Ерманский

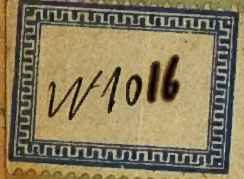
ЦАРЬ ПОСЛЕДНИЙ

Der letzte Zar.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЦАРЬ-ПОСЛѢДЫШЪ.

Надгробное слово самодержавію

КЪ ДЕСЯТИЛѢТІЮ ЦАРСТВОВАНІЯ НИКОЛАЯ II.

Изданіе Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

ЖЕНЕВА.
Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière 27.
1905.

Въ складѣ экспедиціи Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи имѣются слѣдующія изданія:

Der letzte Zar.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Царь-Послѣдышъ.

Надгробное слово самодержавію

Къ десятилѣтію царствованія Николая II.

Изданіе Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

ЖЕНЕВА.
Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière 27.
1905.

БИБЛИОТ
ИНСТИТУТА
ЛЕНИ

Л
62

I. Рабочій выпрямляется.

Десять лѣтъ тому назадъ, въ октябрѣ 1894 года, медленно умиралъ въ Ливадійскомъ дворцѣ русскій самодержецъ Александръ III. Теперь на нашихъ глазахъ *умираетъ русское самодержавіе*, — неограниченная власть царя: можно съ увѣренностью сказать, что Николай II — *послѣдній* „самодержецъ всея Россіи".

Всего 10 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Но какіе 10 лѣтъ! Какъ богаты они должны быть важными событіями въ жизни русскаго народа, если эти 10 лѣтъ до основанія расшатали „прародительскій тронъ" русскихъ деспотовъ. Дѣйствительно, событія эти такъ многочисленны и такъ знаменательны, что описать ихъ въ небольшомъ очеркѣ невозможно. Мы постараемся только намѣтить наиболѣе крупныя изъ нихъ.

Бодро и рѣшительно вступилъ на „родительскій" престолъ молодой Николай Романовъ. Не уменъ и неученъ былъ молодой царь, чужда была ему жизнь 130 милліоновъ „его" подданныхъ. Но, что нужды? Были у него министры и чиновники, полиція и войско — они и будутъ править страной, поддерживать тишину и спокойствіе, охранять царя отъ опасности. Да и неоткуда, казалось, появиться опасности, некому было нарушать тишину и спокойствіе паря: всѣхъ успокоила и усмирила тяжелая лапа его „незабвеннаго родителя". Казалось, все „обстояло благополучно".

Милліоны крестьянъ стонали отъ непосильныхъ податей и поборовъ; за казенные недоимки у крестьянъ отнимали и продавали кулакамъ за безцѣнокъ послѣднюю коровенку и солому съ крышъ. Крестьянское хозяйство падало, *разореніе шло полнымъ ходомъ*. Выпаханная земля не давала крестьянамъ урожая, а въ 1891 году надъ деревенскимъ населеніемъ разразилась настоящая *голодовка* съ ея спутниками — тифомъ, цынгой и другими болѣзнями. Къ тому же присоединилась и холера, которая косила тысячи истощеннаго, голодающаго люда.

А въ это самое время благороднымъ бездѣльникамъ-дворянамъ казна выбрасывала милліонныя подачки, раздавала имъ земли, заводила дворянскіе банки, выдававшіе дворянчикамъ ссуды на выгодныхъ условіяхъ, прощала имъ долги казнѣ. *Дворянамъ-помѣщикамъ* давалась все большая *власть надъ крестьяниномъ.* Александръ III былъ не прочь возстановить отмѣненное при его отцѣ *крѣпостное право.* Еще передъ смертью онъ жаловался въ письмѣ къ австрійскому императору: „слишкомъ поторопился батюшка мой освободить крестьянъ отъ власти помѣщиковъ".

Надъ крестьянскимъ міромъ царь поставилъ твердую власть свирѣпыхъ *земскихъ начальниковъ* изъ дворянъ. Эти начальники могли самовольно чинить судъ и расправу надъ забитымъ крестьяниномъ, имъ предоставлено было подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію— и по всей деревенской Руси свободно гуляла и *свистѣла розга.*

Тѣ-же земскіе начальники были введены *въ земства,* которые по закону должны были заботиться о нуждахъ деревенскаго населенія. Крестьяне-же были почти совсѣмъ отстранены отъ земскихъ собраній. У самихъ земствъ была отнята всякая власть по наблюденію за школами, больницами и пр. За земскими собраніями оставлено было право развѣ только лудить больничные рукомойники и чинить дороги, по которымъ проѣзжаетъ начальство.

Судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей изъ народа былъ отмѣненъ для всѣхъ дѣлъ, гдѣ могли обнаружиться беззаконіе и произволъ властей. Судьи были превращены въ чиновниковъ, которые слѣпо исполняли то, что имъ предписывало правительство.

Народная школа была отдана въ руки чиновниковъ и поповъ. Въ дѣтяхъ забивали всякую мысль, вдалбливали въ ихъ головы церковные предразсудки и слѣпое повиновеніе. Кромѣ букваря обучали развѣ только еще церковному пѣнію.

Тотъ-же мертвящій духъ господствовалъ въ *гимназіяхъ и университетахъ.* Гимназіи были превращены какъ-бы въ заведенія для исправленія малолѣтнихъ преступниковъ: къ гимназистамъ относились съ подозрѣніемъ, ихъ головы забивали ненужнымъ хламомъ изъ латинскихъ и греческихъ учебниковъ, ихъ души

коверкали казарменнымъ строемъ, вводили игру въ солдаты съ маршировкой и барабаннымъ боемъ. Зорко наблюдало начальство за гимназистами и студентами. Изъ университетовъ были выгнаны всѣ дѣйствительно ученые профессора, и ихъ мѣсто заняли бездарные чиновники, которыхъ всѣ помыслы сводились къ 20-му числу и къ повышенію по службѣ. Въ гимназіяхъ и университетахъ была повышена плата за ученіе, и туда стали не пускать дѣтей бѣдныхъ родителей.

Такъ же усердно правительство Александра III преслѣдовало живое *печатное слово.* Было закрыто множество журналовъ, запрещена масса книгъ, особенно для употребленія въ народныхъ читальняхъ и библіотекахъ.

Борцы за свободу, которые такъ энергично напирали на правительство при Александрѣ III и, въ концѣ концовъ, отправили на тотъ свѣтъ самаго царя, были всѣ переловлены и распредѣлены „по мѣстамъ“, т. е. по висѣлицамъ, каторжнымъ рудникамъ, каменнымъ мѣшкамъ Шлиссельбургской крѣпости и тундрамъ Сибири...

Словомъ, правтельство Александра III водворило настоящій самодержавный „порядокъ“ въ нашей странѣ, приняло всѣ мѣры къ тому,

Чтобъ она приникнула,
Чтобъ она не пикнула,
Чтобъ не ныла жалобой,
Чтобъ „ура!“ кричала бы.

Вся Россія была скована гнетомъ, окутана гробовымъ молчаніемъ. Только хищники и опричники могли развернуться во всю: напримѣръ, министръ финансовъ Вышнеградскій, оставляя должность, имѣлъ въ англійскомъ банкѣ „собственныхъ“ денегъ 18 милліон. рублей, а министръ путей сообщенія Кривошеинъ награбилъ такъ много и такъ безстыдно, что надъ нимъ даже пришлось разыграть комедію суда.

Обманомъ и ложью царскихъ чиновниковъ была опутана вся Россія, вплоть до ступеней трона. Уже въ самомъ началѣ новаго царствованія, 19 октября 1894 г. въ 1 часъ дня, петербургскій митрополитъ съ многочисленнымъ духовенствомъ служилъ въ Исакіевскомъ соборѣ молебствіе о „выздоровленіи“ царя въ то самое время, когда докторъ Вильчковскій и Выводцевъ уже

имѣли у себя на столѣ оффиціальное приглашеніе въ Ливадію для бальзамированія трупа Александра III.

Какъ видите, вполнѣ „упорядоченную" всероссійскую вотчину оставилъ Александръ III въ наслѣдство своему сыну. Казалось, ему бы только радоваться прекрасному состоянію наслѣдства. Но это *только казалось*: на самомъ дѣлѣ далеко не все обстояло благополучно для новаго царя.

При его „незабвенномъ родителѣ", подъ покровомъ „тишины и спокойствія", въ нѣдрахъ трудящагося населенія шла подземная работа *пробуждающійся мысли*: она рыла, какъ кротъ, медленно, но непрерывно. *Русскій сѣрый людъ просыпался отъ вѣковаго сна.* Раззоренное сельское населеніе широкой волной двинулось въ города, гдѣ по немногу сбрасывалась забитость сермяжной деревенщины. Число городскихъ рабочихъ все расло съ увеличеніемъ фабрикъ и заводовъ. Въ Россіи быстро развивался капитализмъ. Дѣла промышленниковъ шли бойко, въ ихъ рукахъ накоплялись огромныя богатства на глазахъ у обираемыхъ рабочихъ, которые сами все не выбивались изъ нищеты и каторжнаго труда. А надъ всѣмъ этимъ царили кулакъ полицейскаго и казацкая нагайка. Все это раздражало, накопляло недовольство, заставляло искать выхода. Мысль рвалась къ лучшей долѣ, къ свѣту, къ простору. Но какъ узнать, гдѣ выходъ? И въ темной рабочей массѣ съ каждымъ часомъ расла *жажда знанія.* Правительственная шайка старалась отравить всѣ источники знанія, но гдѣ же ей было услѣдить за многомилліонной массой! Хоть плохенькія школы, но все таки возникали; хоть лубочная, дешевенькая книжка, но все чаще проникала въ народъ. Разъ пробудившаяся мысль жадно глотала всякій лучъ свѣта, отыскивала глубокій смыслъ иногда въ самыхъ невинныхъ вещахъ и переваривала все по своему. Русскій рабочій народъ постепенно сбрасывалъ съ себя цѣпи тьмы, забитости, разобщенности.

Прежде въ Россіи рабочій людъ жилъ врозь: каждый въ своемъ муравейникѣ, каждый занятый своей маятой, своей суетной, мелочной борьбой за кусокъ хлѣба; каждый былъ поглощенъ своимъ домкомъ, своими маленькими радостями и горестями. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилось число такихъ рабо-

чихъ, которые этимъ не удовлетворяются, которые думаютъ о всемъ рабочемъ народѣ, о всемъ человѣчествѣ. Такихъ рабочихъ занимали не ихъ личныя мелкія обиды, не мелкія притѣсненія, а бѣдность и темнота всего русскаго народа, даже всего міра. Они еще не знали другъ друга, но ихъ объединяла одна мысль, одно страстное желаніе. *Въ русскомъ рабочемъ просыпался человѣкъ.* Это былъ первый шагъ; за нимъ неизбѣжно долженъ былъ слѣдовать второй: въ русскомъ рабочемъ скоро долженъ былъ проснуться *гражданинъ.*

Все это готовило много заботъ новому царю. Но гдѣ-же ему было видѣть все это — ему, глупому и невѣжественному недорослю? И вотъ онъ поспѣшилъ заявить во всеуслышанье, что требуетъ отъ всѣхъ „безграничной преданности престолу". Такъ называемое образованное общество, либералы, проглотили эту пощечину. Нѣкоторыя *земскія собранія* попробовали робко „пикнуть": не переставая кричать „Николаю II ура!", они въ своихъ „вѣрноподданническихъ" ходатайствахъ только жаловались, что чиновники иногда не соблюдаютъ закона, а законъ, молъ, представляетъ въ Россіи „выраженіе монаршей воли"; они просили, чтобы голосъ земства могъ „доходить до высоты престола". Ни одного звука объ ограниченіи самодержавія не было въ этихъ ходатайствахъ. И вотъ на такомъ ходатайствѣ тверскихъ земцевъ Николай дѣлаетъ „собственноручную" надпись: „Я крайне удивленъ и недоволенъ неприличной выходкой 45 гласныхъ тверскаго земскаго собранія". Это мудрое рѣшеніе царя объявляется всему народу, а изъ Твери власти высылаютъ по усадьбамъ многихъ гласныхъ и запрещаютъ имъ занимать общественныя должности. Но этого мало: 17-го января 1895 г. царь принималъ во дворцѣ депутацію земцевъ, поднесшихъ ему хлѣбъ-соль; депутаты кланялись и больше ничего, даже не жаловались. И вотъ царь считаетъ нужнымъ прикрикнуть на нихъ: нѣкоторые изъ васъ, дескать, мечтаютъ принимать участіе въ управленіи государственными дѣлами; такъ выбросить изъ головы эти „*безсмысленныя мечтанія*"! Такъ и крикнулъ молодой царь на старыхъ мирныхъ земцевъ. Поняли ли хоть нѣкоторые изъ нихъ, что ихъ надежды на болѣе человѣческіе порядки, которые заведетъ новый царь, — безсмысленныя мечтанія? Поняли ли они.

что свободу не получаютъ въ подарокъ, а берутъ съ бою?

Правительство Николая II во всякомъ случаѣ поняло окрикъ своего „державнаго вождя“ и принялось еще больше прежняго гнуть въ бараній рогъ все живое. Еще въ началѣ 1895 года московскій губернаторъ Булыгинъ объѣзжалъ „свою“ губернію. И что-же вы думаете его поразило? Нищета, голодъ и невѣжество крестьянъ, ихъ безпомощность и вымираніе? Противъ *этого* онъ принялъ мѣры? Нѣтъ, онъ пишетъ строжайшій выговоръ земскимъ начальникамъ: они, видите-ли, иногда „допускаютъ — о, ужасъ! — въ сношеніяхъ съ должностными лицами крестьянскаго управленія и вообще съ сельскимъ населеніемъ *рукопожатіе* при привѣтствіи, *разговоръ сидя* и прочія отличительныя внѣшности обращенія *равнаго съ равными*“.

Въ апрѣлѣ того-же года въ Ярославлѣ была большая забастовка на Карзинкинской мануфактурѣ. Губернаторъ поспѣшилъ призвать фанагорійскій полкъ солдатъ, который и далъ залпъ въ безоружную толпу рабочихъ: на мѣстѣ осталось 13 убитыхъ, въ томъ числѣ одна женщина и одинъ ребенокъ. Что-же сдѣлалъ тотъ самый Николай II, который выражалъ свое *недовольство* тверскимъ земцамъ? На докладѣ министра о гнусномъ убійствѣ 13 рабочихъ въ Ярославлѣ царь написалъ: „Весьма *доволенъ* поведеніемъ войскъ во время фабричныхъ безпорядковъ въ Ярославлѣ“. А московскій начальникъ военнаго штаба поспѣшилъ съ восторгомъ передать *„царское спасибо молодцамъ Фанагорійцамъ“*, и это царское спасибо за убійство мирныхъ рабочихъ, добивающихся улучшенія ихъ каторжной жизни, всѣ могли прочитать въ газетахъ.

Въ томъ-же 1895 году правительство закрыло петербургскій и московскій *Комитеты грамотности*. Да и какъ-же было ихъ терпѣть: они издавали полезныя книжки для народа, продавали ихъ дешево и распространяли среди рабочаго люда. Правда, не всякую полезную книжку они могли напечатать, а лишь ту, что вышла цѣлой изъ подъ краснаго карандаша царскаго цензора. А чтобъ такая книжка попала въ народную читальню, она еще должна пройти сквозь строй чуть не всѣхъ цензуръ. Но все-же лучше, если и вовсе не будетъ дѣйствовать такой комитетъ, который хотя и

подъ наблюденіемъ чиновниковъ, все-же только и старается, что объ изданіи полезныхъ книжекъ для народа!

На газеты и журналы тоже обратило вниманіе правительство Николая II: въ первый-же годъ его царствованія было закрыто 6 газетъ и журналовъ и отказано въ разрѣшеніи 86 изданій.

Да и зачѣмъ простому народу книга, газета, когда онъ можетъ пить изъ другого источника — кабака?

Министръ финансовъ, проходимецъ-Витте ввелъ „монополію" — *казенную продажу вина* въ царскихъ кабакахъ. Изъ народнаго пьянства царь сталъ извлекать сотни милліоновъ рублей въ годъ. Царскіе чиновники выбираютъ для кабаковъ самыя бойкія мѣста, которыхъ рабочій человѣкъ никакъ обойти не можетъ. Въ деревняхъ, гдѣ крестьяне часто всѣмъ сходомъ постановляютъ просить о закрытіи кабаковъ, такъ какъ пьянство ихъ разоряетъ, царскіе чиновники постоянно отвѣчаютъ отказомъ.

Споить народъ монополькой, одурманить его церковной тьмой, высосать изъ него всѣ соки и скрутить въ бараній рогъ розгой и кулакомъ — вотъ вся несложная политика Николая II въ первый-же годъ его царствованія; *псалтирь, штофъ съ водкой и штыкъ* — вотъ чѣмъ онъ сталъ надѣлять свой народъ, „въ непрестанныхъ заботахъ объ его нуждахъ".

Въ 1896 г., когда во многихъ деревняхъ крестьяне пухли отъ голода, а въ Подольской, Волынской и Кіевской губерніяхъ еще не исчезли слѣды свирѣпствовавшей тамъ въ предыдущемъ году холеры, царь предпринялъ важное дѣло на благо своего народа: онъ рѣшилъ *торжественно возложить на себя корону*, а на торжество пригласить королей и принцевъ изъ всѣхъ государствъ. Для этого требовалась бездѣлица—100 мил. рублей, т. е. втрое больше того, что правительство тратитъ за цѣлый годъ на народное образованіе. Но за то и дѣло же важное, безъ котораго, пожалуй, погибла бы Россія!

И вотъ царь со всей сворой великихъ князей, сановниковъ, придворныхъ лакеевъ, придворныхъ проститутокъ и почетныхъ гостей своихъ, точно прожорливая саранча, нахлынули въ первопрестольную столицу, Москву.

И пошли торжества, проматываніе милліоновъ, добытыхъ потомъ и кровью народа.

Впрочемъ, былъ приглашенъ на торжество и этотъ самый народъ. На *Ходынскомъ полѣ* 18-го мая были устроены балаганы; тамъ народу должно было раздаваться царское угощеніе: грошевая оловяная кружка съ намалеванными на ней портретами царя и царицы и узелокъ съ пряниками и орѣхами.

Народу собралось сюда съ полмилліона. Всю ночь наканунѣ раздачи подарковъ притекали десятки тысячъ изъ Москвы и окрестныхъ деревень. Какія мѣры были приняты гостепріимнымъ хозяиномъ царемъ, чтобы удобно было приглашеннымъ имъ гостямъ? Никакихъ мѣръ. Да и гдѣ было полиціи и начальству заботиться объ этомъ, когда всѣ силы и все вниманіе уходило на охрану „священной особы“ царя: надо было заколачивать чердаки и подвалы, оцѣплять всѣ улицы, по которымъ проѣзжалъ царь, арестовывать и высылать подозрительныхъ лицъ, „политиковъ“. А Ходынское поле? Ну, не до того было властямъ, не до заботъ о томъ, чтобъ тамъ засыпать овраги, ямы, колодцы, не до заботъ объ удобномъ размѣщеніи балагановъ, чтобы въ громадной толпѣ не произошло давки. И вотъ, когда цѣлый океанъ человѣческихъ головъ пошелъ на приступъ балагановъ съ угощеніемъ, получилось то, чего можно было ожидать: одна волна народа перекатывалась черезъ другую, раздавливая всѣхъ, кто послабѣе, кто застрялъ въ одной изъ ямъ, которыми изрыто было все поле. Выплывшее изъ-за облаковъ солнце освѣтило ужасное зрѣлище: трупы съ выпущенными внутренностями, съ раздробленными черепами въ перемежку съ живыми еще, но истерзанными людьми; всюду кровь, искаженныя лица, сжатые кулаки. Въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ проклятій, отъ стона раненныхъ и хрипа умирающихъ...

Такъ царь принялъ и угостилъ своихъ дорогихъ гостей изъ народа...

Начальство торопилось убирать трупы; убитыхъ и раненныхъ сваливали на однѣ и тѣ же телѣги. Одинъ военный врачъ хотѣлъ сдѣлать перевязки и оказать помощь нѣкоторымъ раненнымъ.

— Ваше высокопревосходительство! — обратился

онъ къ стоявшему тутъ военному министру — распорядитесь выдѣлить раненыхъ: ихъ можно еще спасти!

— Не ваше это дѣло, — заоралъ министръ—я вамъ дѣлаю выговоръ; *спокойствіе Его Величества важнѣе вашихъ раненныхъ!*

Что же предпринялъ, наконецъ, царь? Прежде всего онъ стянулъ всѣ войска къ Кремлю, боясь, какъ-бы возмущенный народъ не потребовалъ его къ отвѣту за смерть 4800 человѣкъ на Ходынскомъ полѣ. А когда онъ почувствовалъ себя въ безопасности, то *продолжалъ празднества коронаціи.*

Уже надъ Ходынскимъ полемъ спускалась ночь, а пожарные все еще грузили истерзанныя тѣла. А въ это самое время царь со своими опричниками и прихлебателями ужиналъ въ залитыхъ электрическимъ свѣтомъ хоромахъ Кремля. Разносили тонкія блюда, лилось рѣкою дорогое вино, гремѣла музыка... Царь веселился...

Да! „Спокойствіе Его Величества важнѣе раненныхъ и убитыхъ крестьянъ и рабочихъ": эти знаменитыя слова можно будетъ начертать на позорномъ памятникѣ царскаго самодержавія. Дѣйствительно, вся жизнь Россіи подъ скипетромъ самодержавнаго царя — это *сплошная „Ходынка"*: для того, что бы царь и его опричники могли пировать, веселиться, — русскій народъ долженъ гибнуть тысячами, сотнями тысячъ, сегодня на Ходынскомъ полѣ, завтра—на поляхъ Манчжуріи. Самодержавная шайка торжествуетъ и пляшетъ *на трупахъ тысячъ народа.*

Одна французская газета того времени, сообщая о ходынской бойнѣ, вспомнила по этому поводу, что сильная давка съ человѣческими жертвами произошла также на свадьбѣ Людовика XVI — послѣдняго французскаго короля, котораго возставшій французскій народъ казнилъ на эшафотѣ въ 1793 году. Какъ бы это сравненіе французской газеты не оказалось пророческимъ...

Во время коронаціи царь, между прочимъ, принималъ депутатовъ, и тутъ ярко раскрылось его сердце, такъ что всякій могъ видѣть, заботами о комъ оно наполнено. *„Не ждите земли; слушайтесь вашихъ предводителей дворянства"*, строго сказалъ *крестьянамъ*, повторяя слова своего отца, вновь коронованный недоросль. А вотъ что онъ сказалъ, принимая депутацію *дворянъ-*

помѣщиковъ: „Мнѣ извѣстно трудное время, переживаемое помѣстнымъ дворянствомъ. Будьте спокойны: *я не забуду вашихъ нуждъ*". Нужно-ли еще что-либо прибавлять въ поясненіе этихъ двухъ краткихъ, но вразумительныхъ рѣчей?

Всѣ находились подъ леденящимъ впечатлѣніемъ ходынскихъ ужасовъ. Многіе себя спрашивали: неужели не „поднимется мститель суровый"? И вотъ, среди полнаго, гробового молчанія всего общества, всего черезъ 10 дней послѣ „Ходынки", раздался бодрый, полный жизни и силы, голосъ протеста. То были *петербургскіе рабочіе*, поднявшіеся на защиту своихъ правъ, на борьбу за человѣческое существованіе. Всѣ прядильныя и ткацкія фабрики и нѣкоторые заводы Петербурга стали съ 29-го мая: 35.000 рабочихъ бросили работу, недовольные тѣмъ, что ихъ *заставили* не работать 3 дня коронаціи, и хозяева не хотятъ имъ платить за эти дни. Тутъ же они потребовали: сократить рабочій день до 10½ часовъ, повысить заработную плату и улучшить обращеніе съ рабочими.

Такой громадной стачки еще не видѣла до тѣхъ поръ Россія. Но, что больше всего поражало, это—какъ вели себя стачечники: не буянили, не громили фабрикъ, а дружно, стойко защищали свое правое дѣло и стояли другъ за друга. Образовавшійся въ Петербургѣ еще въ концѣ 1895 г. „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса" все время стачки выпускалъ листки къ рабочимъ, гдѣ разъяснялъ имъ ихъ положеніе и призывалъ къ рѣшительной защитѣ ихъ требованій. Рабочіе читали листки на расхватъ и не поддавались на всѣ увѣщеванія хозяевъ и полиціи. Пустить въ ходъ военную силу противъ такой массы рабочихъ правительство боялось, да и рабочіе не давали войску повода вмѣшиваться; они проявили необычайную, неожиданную сознательность. Это именно и поражало всѣхъ; всѣ себя спрашивали: да гдѣ это мы — во Франціи, что-ли? Откуда наши сѣрые рабочіе набрались такого духа, такого сознательнаго спокойствія и выдержки?

Но болѣе дальновидные люди знали, что недаромъ сталъ просыпаться русскій рабочій еще за 10 лѣтъ до того, недаромъ онъ своей пытливой мыслью искалъ выхода изъ нищеты и рабства. Недаромъ ему на помощь пришли немногочисленные тогда соціальдемократы. Вы-

ходъ былъ найденъ: этотъ выходъ — *борьба за освобожденіе рабочаго класса отъ всякаго обирательства, отъ всякаго угнетенія.* И эта борьба началась и все больше разросталась. Волна стачекъ началась еще осенью 1895 года, когда бастовали нѣкоторыя фабрики въ Петербургѣ, до 26.000 ткачей въ Бѣлостокѣ. Теперь 35.000 петербургскихъ ткачей держались стойко и возобновили работы только послѣ того, какъ имъ во многихъ мѣстахъ было уплачено за коронаціонные дни, а, главное, было обѣщано издать законъ о сокращеніи рабочаго дня.

Рабочіе ждали этого закона къ новому году; и когда не дождались, то съ первыхъ же чиселъ января 1897 г. опять начались волненія, стачки въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и друг. мѣстахъ. Правительство видѣло, что движеніе рабочихъ не унимается, и оно *издало 2-го іюня 1897 г. законъ,* по которому работа на фабрикахъ не можетъ продолжаться больше $11^1/_2$ час. въ сутки. Конечно, царское правительство, кровно и духовно связанное съ фабрикантами и всѣми капиталистами, сейчасъ-же поспѣшило издать, въ угоду имъ, цѣлый рядъ циркуляровъ и ограниченій, которыми законъ 2-го іюня 1897 года во многихъ случаяхъ сводился на нѣтъ, особенно тамъ, гдѣ рабочіе не умѣли дружно настаивать на соблюденіи этого закона.

Но самое главное значеніе массовыхъ стачекъ 1896—1897 годовъ состояло въ томъ, что рабочая масса выросла въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, кто искренно стремится къ народной свободѣ. Ясно стало, что *народилась новая сила—сила рабочаго класса,* съ которой не управится ни хитрость хозяевъ, ни насиліе правительства. Ясно было, что эта сила будетъ расти, крѣпнуть, что она, рано или поздно, выступитъ на борьбу не только съ хозяйской прижимкой и не только съ произволомъ самодержавнаго правительства, но и *со всѣмъ строемъ* нашей жизни, основаннымъ на порабощеніи милліоновъ рабочаго люда кучкѣ хищныхъ и властныхъ собственниковъ.

Въ стачкѣ петербургскихъ ткачей обнаружилось, что рабочій классъ въ Россіи доросъ *до совершеннолѣтія,* что онъ скоро совсѣмъ возмужаетъ, связавъ свою борьбу съ стремленіями соціальдемократовъ, стоявшихъ одиноко до 1896 года.

Если „Ходынка" показала, какой ужасъ и позоръ сѣетъ вокругъ себя царское самовластіе, то массовыя стачки обнаружили, что въ рабочемъ классѣ поднялся и растетъ *могильщикъ этого самовластія.*

Этого не могли не понять Николай II и его министры. И вотъ они начали спасать двуглаваго орла, которому стала грозить опасность не со стороны студентовъ, какъ они привыкли думать, а совсѣмъ съ другой стороны. Одной рукой выбрасывая своему новому врагу уступочку—законъ 2-го іюня,—чтобы успокоить его, они другой рукой принялись усердно опутывать его сѣтью шпіонства, преслѣдованій и наказаній. Уже черезъ 2 мѣсяца послѣ 2-го іюня министръ внутреннихъ дѣлъ пишетъ губернаторамъ и жандармскимъ начальникамъ тайный циркуляръ, гдѣ рисуетъ всю силу растущаго рабочаго движенія и приказываетъ за всякую стачку не передавать рабочихъ обыкновенному суду, а разбирать дѣло тайно, *въ жандармскихъ застѣнкахъ*, чтобъ можно было карать построже, даже гдѣ нѣтъ уликъ. Съ своей стороны, министръ финансовъ въ тайномъ циркулярѣ предписываетъ *фабричнымъ инспекторамъ* взять на себя *полицейскія обязанности*, слѣдить за тѣмъ, чтобы рабочіе не смѣли пикнуть, — словомъ защищать не рабочихъ отъ обирательства хозяевъ, а царское самодержавіе отъ рабочихъ. Наконецъ, министръ внутреннихъ дѣлъ въ тайномъ письмѣ къ министру народнаго протемненія — виноватъ, просвѣщенія — Делянову указываетъ, что „стремленіе содѣйствовать поднятію уровня народнаго образованія" представляетъ огромную опасность для „общественнаго спокойствія", т. е. для власти царя Ходынскаго. И сейчасъ послѣ этого Деляновъ и его чиновники начинаютъ травить всѣ тѣ *вечерніе курсы* и *воскресныя школы*, въ которыхъ получали кое-какія крохи знанія взрослые рабочіе. Какъ видите, засуетились всѣ министры: почуяли, что тутъ пахнетъ серьезной опасностью, — и принялись за работу насильники.

Но русскіе цари, еще со времени татарскаго ига, привыкли брать не только насиліемъ, но еще и *лицемѣріемъ.* А Николаю II хотѣлось по части лицемѣрія превзойти всѣхъ своихъ предшественниковъ и этимъ прославиться на весь міръ. И вотъ онъ въ августѣ 1898 года обращается ко всѣмъ государствамъ съ *посланіемъ о мирѣ между всѣми народами*: въ этомъ посланіи

разоритель и угнетатель 130 милліоновъ человѣкъ въ своей собственной странѣ воспѣваетъ прелести мирнаго труда, процвѣтанія и благоденствія народовъ подъ сѣнью всеобщаго мира, говоритъ о необходимости прекратить трату сотенъ милліоновъ на орудія убійства и предлагаетъ всѣмъ государствамъ собраться въ городъ Гаагу (въ Голландіи) и выработать мѣры для рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ между государствами не путемъ войны, а третейскимъ судомъ.

Откуда вдругъ эта ангельская кротость? Зачѣмъ это хищному двуглавому орлу понадобилось прикинуться кроткимъ голубемъ? Николай Послѣдній, видите-ли, успѣлъ уже за 4 года своего царствованія ухлопать около 2 милліардовъ рублей на военныя цѣли; для этого пришлось обобрать мужика, какъ липку, выкачать съ рабочаго населенія много сотенъ милліоновъ въ видѣ косвенныхъ налоговъ. Больше брать съ разореннаго мужика сотни милліоновъ было трудно,—значитъ, *придется* сократить свои военные расходы. Отчего-же не побудить и другія государства тоже сократить свои расходы на вооруженія? Отчего-же при этомъ не заслужить отъ холопствующихъ продажныхъ газетъ медаль съ надписью „царь миротворецъ", которою можно будетъ прикрыть другую медаль съ надписью: „убійца ходынскій, ярославскій, домбровскій и пр. и пр." ? Само собою разумѣется, что эта жалкая и гнусная комедія ничего не измѣнила и никого не обманула. Въ ту самую минуту, когда Николай II разсылалъ свое мирное посланіе, онъ велѣлъ истратить 90 милліоновъ денегъ на перевооруженіе флота. И какъ только представители всѣхъ государствъ разъѣхались съ лицемѣрнаго съѣзда въ Гаагѣ, началась кровопролитная война англичанъ съ бурами (въ Африкѣ) и походъ русскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и другихъ войскъ на столицу Китая — Пекинъ.

Царю-убійцѣ, царю-лицемѣру суждено было еще сдѣлаться царемъ-клятвопреступникомъ по отношенію къ *Финляндіи*. Эту маленькую страну съ мирнымъ, свободнымъ населеніемъ, съ свободными порядками на европейскій ладъ, жестокая судьба связала лѣтъ сто тому назадъ съ державой россійскихъ тирановъ. Эти свободные порядки кололи глаза самодержавной шайкѣ. Финляндія имѣла свой свободный государственный строй свою конституцію: каждый царь, вступая на престолъ,

клянется, что будетъ нерушимо соблюдать эту конституцію. Клялся и Николай II. Но что стоитъ русскому самодержцу преступно нарушить клятву? Эка важность: къ столькимъ преступленьямъ прибавится еще одно!

И вотъ, начиная съ 1899 года, царь, вопреки своей присягѣ, опираясь на одну грубую силу своихъ полицейскихъ и солдатъ, уничтожаетъ свободные порядки Финляндіи: вводитъ новые законы безъ согласія финляндскаго сейма (собраніе представителей финляндскаго народа), увеличиваетъ тяжесть налоговъ, закрываетъ газеты, журналы и образовательныя общества, уничтожаетъ свободу собраній, вводитъ русскую полицію, жандармовъ и шпіоновъ, чисто на русскій манеръ арестовываетъ и высылаетъ мирныхъ гражданъ, всюду сѣетъ развратъ и продажность. За нѣсколько лѣтъ нельзя узнать несчастную Финляндію: ее истерзалъ, разорилъ, обезсилилъ двуглавый хищникъ. Свободные финляндскіе граждане сначала протестовали, не подчинялись беззаконію русскихъ опричниковъ, Въ 1899 году было составлено заявленіе о незаконности новыхъ порядковъ и подъ этимъ протестомъ подписалось 500.000 финляндцевъ, т. е. *почти все взрослое мужское населеніе страны.* Но царь не принялъ ни заявленія, ни депутатовъ и продолжалъ ту-же политику гнуснаго насилія. Утомленные законной борьбой, финляндцы стали впадать въ отчаянье. Это отчаянье приводитъ къ тому, что десятки тысячъ финляндцевъ покидаютъ свою страну и выселяются въ Америку. Это же отчаянье привело къ тому, что недавно сынъ важнаго генерала и сенатора, чиновникъ Шауманъ выстрѣломъ изъ револьвера убилъ царскаго ставленника генералъ-губернатора Бобрикова и тотчасъ покончилъ съ собою изъ того-же револьвера.

И, когда новый генералъ-губернаторъ Оболенскій явился въ Финляндію, то ему пришлось выслушать отъ *финляндскихъ организованныхъ рабочихъ* рѣшительное заявленіе, что они будутъ бороться за ту свободу, которую такъ нагло похитило у нихъ царское правительство. Къ мысли о революціонной борьбѣ противъ правительства все больше приходятъ и другіе классы финляндскаго народа; за послѣднее время участились случаи демонстрацій. Вотъ какъ Николай II умѣетъ быстро превращать мирныхъ гражданъ въ революціонныхъ борцовъ, понимающихъ, что не мирными адресами царю

(и не убійствомъ отдѣльныхъ правителей), а только уничтоженіемъ неограниченной власти царя можно добиться свободы для всѣхъ.

II. Рабочій протестуетъ.

Къ концу девяностыхъ годовъ надъ Россіей разразился *промышленный кризисъ.* Во вторую половину 80-хъ и втеченіе 90-хъ годовъ капиталисты, которымъ царское правительство выбрасывало одну подачку за другой, очертя голову заводили все новыя фабрики, заводы, промыслы. Скоро рынокъ переполнился, и къ концу 90-хъ годовъ стала чувствоваться заминка въ дѣлахъ. И вотъ капиталисты начали закрывать мастерскія, выбрасывать рабочихъ на мостовую — на голодъ и лишенія.

Нужно-ли еще говорить, что правительство Николая II — этого царя всѣхъ хищниковъ, грабителей и угнетателей — ничего не дѣлало, чтобы придти на помощь тысячамъ безработныхъ тружениковъ? Если на этихъ тружениковъ тяжелѣе всего ложится давящій всѣхъ гнетъ царскаго самовластья, то уже почти только имъ однимъ приходится выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть нелѣпаго *капиталистическаго строя,* при которомъ кучка трутней-капиталистовъ господствуетъ надъ милліонами пролетаріевъ. Имъ-же пришлось извѣдать всѣ прелести кризиса — этого неизбѣжнаго спутника капитализма. Тутъ русскіе рабочіе могли ясно видѣть, что они живутъ въ *классовомъ государствѣ:* господамъ „нуждающимся“ заводчикамъ и горно-промышленникамъ министерство финансовъ щедрой рукой выдавало милліонныя ссуды, а выброшенныхъ на мостовую рабочихъ губернаторы милостиво... отправляли *по этапу „на родину“*, т. е. въ голодающія деревни, гдѣ они могли пухнуть отъ голода вмѣстѣ съ деревенской бѣднотой.

Бѣдствія кризиса русскій рабочій *прежняго* времени переносилъ безропотно. Но времена измѣнились: русскій рабочій настолько выросъ, настолько выпрямился, что переносить лишенія и обиды молча уже не могъ, онъ сталъ *протестовать.*

Первый дружный протестъ рабочихъ раздался въ *Харьковѣ* 1-го мая 1900 года. Въ этотъ день, въ день

праздника рабочаго класса всего міра, стали одинъ за другимъ всѣ крупные заводы и многія мелкія мастерскія Харькова: всего бросило работу больше 10,000 чел. Рабочіе съ одного завода переходили всей массой на другой и призывали своихъ товарищей присоединиться къ ихъ протесту противъ господствующаго общественнаго строя. При этомъ рабочіе развертывали красное знамя борьбы за свободу и оглашали улицы пѣснями о волѣ.

Этотъ смѣлый и *открытый массовый протестъ* поразилъ всѣхъ. Если во время знаменитой стачки петербургскихъ ткачей стачечники только бросили работу и сидѣли по домамъ, то 4 года спустя въ Харьковѣ рабочіе не только не работали, но еще вынесли свой протестъ *на улицу*. Если въ 1896 году ткачи требовали отъ хозяевъ сокращенія рабочаго времени и увеличенія платы, то теперь въ Харьковѣ рабочіе всѣхъ цеховъ, всѣхъ мастерскихъ подняли свой голосъ не только противъ хозяевъ. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ харьковскіе рабочіе потребовали и добились отъ губернатора немедленнаго освобожденія арестованныхъ товарищей. При этомъ рабочіе говорили съ властями такимъ языкомъ, къ какому власти не привыкли до тѣхъ поръ. Когда одинъ рабочій, желая говорить съ прибывшимъ во дворъ мастерскихъ губернаторомъ, снялъ передъ нимъ шапку, то остальные рабочіе кричали съ возмущеніемъ: „Да ты-бы еще штаны передъ нимъ снялъ!“ и отрядили для переговоровъ другого рабочаго посмѣлѣе.

А на паровозостроительномъ заводѣ разыгрывается такая сцена. Къ собравшимся толпой рабочимъ подходитъ фабричный инспекторъ и спрашиваетъ:

— Чего вы хотите, ребята?

— Конституціи! — выпалилъ рабочій, что стоялъ поближе къ инспектору. Тотъ въ ужасѣ удалился.

Все это было уже *совсѣмъ ново.*

Конечно, огромное большинство харьковскихъ рабочихъ тогда еще слѣдовало больше голосу чувства, чѣмъ сознанія: они еще *смутно* представляли себѣ, *чего* добиваться прежде всего и *какъ* именно. Но этотъ открытый протестъ 10,000 рабочихъ на улицахъ крупнаго города предвѣщалъ мало хорошаго для правительственной шайки: онъ показывалъ, что въ русскомъ

рабочемъ уже просыпается *гражданинъ*, борецъ за политическую свободу.

Произволъ и насиліе правительства Николая II будили гражданина не только въ рабочемъ, но и въ средѣ *студентовъ* — по крайней мѣрѣ, въ лучшей ихъ части. Еще въ 1896 г. одесскіе студенты, желая праздновать 19-е февраля — годовщину освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права — служили панихиду по царѣ Александрѣ II и у памятника его пѣли „Боже, царя храни!“ Большинство студентовъ-барчуковъ постепенно превращались въ „патріотовъ своего отечества“, т. е. въ искателей тепленькихъ мѣстечекъ съ хорошимъ жалованьемъ. Но на лучшую часть студентовъ, на тѣхъ, которые сами, какъ пролетаріи, перебиваются съ хлѣба на квасъ, — растущее движеніе рабочихъ произвело глубокое впечатлѣніе. Они поняли, что народилась могучая сила, противъ которой ничто не устоитъ. Эти студенты, почувствовавъ почву подъ ногами, тоже организовались для борьбы и, подражая примѣру рабочихъ, стали устраивать *забастовки въ университетахъ*. Они выставляли требованія объ освобожденіи университетовъ отъ шпіонства и казарменныхъ порядковъ, прекращали посѣщеніе университета и всячески мѣшали барчукамъ-патріотамъ продолжать занятія.

Движеніе студентовъ разрослось еще съ весны 1899 года и охватило чуть не всѣ высшія учебныя заведенія Россіи. Происходили столкновенія съ полиціей, когда студентовъ-забастовщиковъ не пускали въ университетъ, гдѣ продолжали занятія барчуки; забастовщиковъ арестовывали цѣлыми толпами и, подъ конвоемъ казаковъ, отправляли въ тюрьмы. Броженіе все усиливалось: студентами были полны всѣ участки и тюрьмы. Правильныхъ занятій въ университетахъ нигдѣ не было. Что-же предприняло мудрое правительство Николая II? Слабоумный царь издалъ 29-го іюля 1899 г. указъ: всѣхъ студентовъ, участвующихъ въ забастовкахъ, *отдавать въ солдаты* срокомъ отъ 1 года до 3 лѣтъ, хотя-бы даже по семейному положенію эти студенты должны были быть освобождены отъ воинской повинности, хотя-бы даже то были хромые, больные, негодные къ солдатчинѣ.... Эта мѣра нисколько не уступала

варварскимъ распоряженіямъ такихъ звѣрей на тронѣ, какими были Павелъ I и Николай I.

Этой мѣрой азіатское самодержавіе опозорило Россію передъ всѣмъ міромъ. Гнусное самовластіе Николая Обманова становилось все болѣе невыносимымъ для всего, что есть въ Россіи живого, стремящагося къ свободѣ. Россія конца 19-го вѣка какъ будто устыдилась того, что она вступаетъ въ новое столѣтіе съ печатью политическаго рабства на челѣ; устыдилась — и начала такъ усиленно и повсемѣстно протестовать, что поставила въ тупикъ самоувѣренную шайку угнетателей.

Протесты открытые, массовые и рѣшительные, въ видѣ уличныхъ демонстрацій, пошли съ самаго-же начала перваго года 20-го вѣка.

Первая крупная демонстрація разыгралась 19-го февраля 1901 года въ *Харьковѣ*. По поводу ареста 60 студентовъ, собравшихся днемъ передъ университетомъ, вечеромъ собралась на театральной площади 6-тысячная толпа, въ которой видное мѣсто занимали сѣрыя фигуры заводскихъ и ремесленныхъ рабочихъ. Несмотря на то, что на площади стояло подъ ружьемъ нѣсколько ротъ солдатъ, несмотря на то, что казаки много разъ врѣзывались въ толпу, рубили ее шашками и полосовали нагайками, демонстранты не уходили съ площади, защищались кольями, и пѣсни о волѣ оглашали площадь до 11 часовъ ночи.

Харьковская демонстрація, точно искра, зажгла пожаръ по всей Россіи; волны этого пожара перебрасывались съ необычайной быстротой съ одного города на другой. Послѣ 19-го февраля въ Харьковѣ слѣдовали демонстраціи отъ 23 до 26 февраля въ *Москвѣ*, 4-го марта въ *Петербургѣ*, 11 марта въ *Кіевѣ* и *Казани*, 22-го апрѣля въ *Тифлисѣ*, 1-го мая опять въ *Харьковѣ*, 5-го мая въ *Симферополѣ*. Въ *Москвѣ* начали протестъ студенты, возмущенные тѣмъ, что нѣсколько петербургскихъ и кіевскихъ студентовъ сдѣлались жертвами дикихъ „Временныхъ правилъ“ и были отданы въ солдаты. Студентовъ поддержали рабочіе, которые проходили по улицѣ города, давая отпоръ казакамъ, устраивая сходки передъ дворцомъ генералъ-губернатора — дяди царя. Происходили въ теченіе 4 дней многочисленныя стычки съ казаками и полиціей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочіе

устраивали противъ казаковъ баррикады, нагромоздивъ другъ на друга бульварныя скамейки. Царскій дядюшка поспѣшилъ улепетнуть изъ Москвы. Въ *Петербургѣ* устроенная студентами на Казанской площади демонстрація противъ „Временныхъ правилъ“ собрала громадную массу публики—до 20,000 человѣкъ. Спрятанные во дворахъ казаки, по знаку градоначальника, бросились на мирную толпу и учинили самую гнусную бойню надъ безоружными юношами и дѣвицами. А въ это время царь и министры такъ струсили, что безъ оглядки бѣжали изъ столицы. *Вг Тифлисѣ* около 3000 рабочихъ тѣсными рядами вышли на улицу, чтобы отпраздновать майскій праздникъ. Они развернули роскошное знамя съ портретами учителей международнаго соціализма Маркса, Энгельса и Лассаля и надписью: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Рабочіе съ оружіемъ въ рукахъ защищались отъ полиціи и казаковъ, жестоко избивавшихъ демонстрантовъ нагайками и шашками. Въ *Симферополѣ* небольшая толпа демонстрантовъ такъ ошарашила полицію своимъ неожиданнымъ появленіемъ что одинъ городовой шелъ впереди демонстрантовъ, расчищая имъ дорогу.

Совсѣмъ иначе кончилось столкновеніе рабочихъ съ войскомъ въ Петербургѣ на казенномъ *Обуховскомъ заводѣ.* Здѣсь около 1500 рабочихъ рѣшили отпраздновать первое Мая и не пришли въ этотъ день на работу. Начальство выместило свою злобу на 10 „зачинщикахъ“, уволивъ ихъ съ завода. Рабочіе были возмущены этимъ и бросили работу. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ начальникомъ, сталъ весь заводъ, на которомъ работало до 8 тысячъ человѣкъ. Вся масса двинулась по Шлиссельбургскому тракту. Тутъ появились вооруженные жандармы и конные и пѣшіе городовые. Началось дикое избіеніе рабочихъ. Тѣ отвѣтили градомъ камней. Рабочіе оборонялись геройски. Полиціймейстеръ Полибинъ приказалъ стрѣлять. Раздались одинъ за другимъ нѣсколько залповъ: изъ рабочихъ 6 *человѣкъ убито* на мѣстѣ, 8 *тяжело ранено.* Недостаточно было столькихъ жизней рабочихъ: изъ числа арестованныхъ были выбраны „зачинщики“ и преданы суду, который ихъ и приговорилъ: двухъ къ каторгѣ, многихъ—къ лишенію правъ и арестантскимъ ротамъ. Во время разбирательства дѣла судей удивила смѣлостью молодая работница Яковле-

ва: въ горячей рѣчи она открыто заявила, что не перестанетъ по мѣрѣ силъ служить рабочему дѣлу.

Какъ видите, первое полугодіе въ новомъ столѣтіи причинило правительству Николая II больше хлопотъ и огорченія, чѣмъ всѣ 13 лѣтъ царствованія его „незабвенному родителю“. Такія событія, какъ массовыя уличныя демонстраціи, студенческія забастовки или Обуховская оборона, нельзя было даже замолчать: пришлось напечатать такъ называемыя „правительственныя сообщенія“. Что они были насквозь пропитаны ложью — само собою разумѣется. Въ особенности правительство не рѣшалось признать, что поднялся на защиту своей гражданской свободы *рабочій*: вотъ почему объ уличныхъ демонстраціяхъ говорилось стыдливо, что ихъ устраиваютъ „люди разнаго званія.“

Отъ всѣхъ этихъ событій правительство потеряло голову. Оно заметалось, какъ раненный звѣрь. Что предпринять, чтобы спасти свою шкуру? На что надѣяться? На кулакъ и нагайку? На штыкъ или пулю? Но, вѣдь, все это уже пускалось въ ходъ щедрой рукой, а „моря народнаго грозный прибой“ все не унимается. Что-же теперь пустить въ ходъ? *Крокодиловы слезы*! — рѣшило мудрое самодержавное правительство. Надо проливать слезы о благѣ рабочихъ и учащейся молодежи, выражать о нихъ сердечное попеченіе и подкупать ихъ грошевыми уступочками, а... кулакъ и нагайка своимъ чередомъ. И вотъ Николай II вступаетъ на новый путь мудрой политики: съ грошевымъ пряникомъ въ одной рукѣ, съ нагайкой — въ другой.

Нужно-ли говорить, что уступки были такъ-же нелѣпы, какъ и само самодержавіе?

Когда 14-го февраля министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова убилъ револьвернымъ выстрѣломъ студентъ Карповичъ, возмущенный отдачей студентовъ въ солдаты, — Николай II издаетъ „рескриптъ“, въ которомъ признаетъ негоднымъ тотъ самый учебный строй, противъ котораго возставали отданные въ солдаты студенты. Тутъ-же Николай II, проливъ крокодилову слезу объ „увлеченіяхъ“ молодежи, заявляетъ, что необходимо проявлять къ ней *„сердечное попеченіе“*. И кого-же онъ назначаетъ для устраненія казарменныхъ порядковъ изъ университетовъ? Воспитаннаго въ казар-

махъ военнаго генерала *Ванновскаго,* а въ помощники къ нему начальника всѣхъ россійскихъ тюремъ, Мѣщанинова. Новый министръ, этотъ заживо разлагающійся старый солдатъ, одной рукой подписывая разрѣшеніе студентамъ устраивать различныя общества, другой рукой отдаетъ распоряженіе вновь примѣнять приказъ, изданный за 14 лѣтъ до того другимъ выжившимъ изъ ума министромъ Деляновымъ— не принимать въ гимназіи и университеты дѣтей кухарокъ, кучеровъ и проч. бѣдныхъ людей. „Временныя правила" 29-го іюля 1899 года все-таки не отмѣняются. Правда, они и не примѣняются: студентовъ больше солдатчиной не наказываютъ за „безпорядки"; но этимъ студенты были обязаны вмѣшательству „людей разнаго званія". т. е. главнымъ образомъ, рабочихъ. А такъ какъ казарменные и полицейскіе порядки продолжали царить въ учебныхъ заведеніяхъ, то недовольство студентовъ все болѣе крѣпло, и политика „сердечнаго попеченія" скоро лопнула, какъ мыльный пузырь.

Еще нелѣпѣе кончилась попытка заигрыванія самодержавнаго чудовища съ главнымъ его врагомъ, — съ рабочей массой. Надъ нею слезы проливалъ другой и очень хитрый крокодилъ во образѣ начальника московскаго охраннаго отдѣленія *Зубатова.* Этотъ звѣрь совсѣмъ ужъ нарядился въ маску друга рабочаго класса и началъ не въ шутку околпачивать московскихъ рабочихъ. Онъ велъ дѣло очень хитро и, въ началѣ, съ большимъ успѣхомъ. Чтобы отвлечь рабочихъ отъ *политической* борьбы противъ самодержавія, Зубатовъ сталъ поддерживать *экономическую борьбу* ихъ съ хозяевами. Онъ старался увѣрить рабочихъ, что правительство охотно поможетъ имъ улучшить свое положеніе; что политическая свобода вовсе не нужна рабочимъ, а нужна только „интеллигентамъ";что разъ только рабочіе откажутся отъ борьбы за политическую свободу, то правительство разрѣшитъ имъ и стачки устраивать, и заводить разныя общества. Отъ словъ Зубатовъ перешелъ къ дѣлу. Кое-какую стачку онъ поддержалъ деньгами. Затѣмъ онъ сталъ устраивать рабочія общества: сначала въ Москвѣ, потомъ въ Минскѣ, Перми, Одессѣ, Петербургѣ и друг. городахъ. Въ эти общества Зубатовъ и его помощники собирали сотни, а то и тысячи рабочихъ. Тутъ имъ читали разныя лекціи либеральные

профессора; сами рабочіе вели собесѣдованія, обсуждали свои кассовыя дѣла — конечно, все это подъ зоркимъ наблюденіемъ цѣлой тучи переодѣтыхъ жандармовъ и шпіоновъ: они вылавливали наивныхъ простаковъ — тѣхъ рабочихъ, которые довѣрчиво высказывали, что ихъ гнететъ произволъ и насиліе. На видъ все шло для Зубатова, какъ по маслу.

Но на самомъ дѣлѣ нетрудно было предвидѣть, что правительство скоро раскается въ этой двусмысленной игрѣ, пойметъ, что *шутитъ съ огнемъ*. Зубатовъ собиралъ рабочихъ и организовывалъ ихъ: рабочіе, иногда еще не думавшіе объ общихъ дѣлахъ и задачахъ рабочаго класса, входили во вкусъ общихъ интересовъ; ихъ мысль начинала работать, и они, помимо Зубатова и его агентовъ, стали добираться до *причинъ* своей безысходной нужды, своего безправія. Или: услужливые профессора краснорѣчиво расписывали предъ московскими рабочими прелести „чисто экономическихъ“ организацій вродѣ потребительныхъ обществъ, обществъ взаимопомощи, рабочихъ клубовъ въ Англіи и другихъ странахъ. Какъ-же было рабочимъ не задать себѣ вопроса о томъ, какъ добились англійскіе и другіе рабочіе *права* устраивать всякія общества? Какъ имъ было не видѣть, что въ другихъ странахъ рабочіе пользуются *свободой* говорить, печатать, что угодно, а у насъ вмѣсто всего этого есть „уставъ о пресѣченіи и предупрежденіи“ и полицейскій произволъ? Рабочимъ нетрудно было понять, что самодержавная Россія не выноситъ не только политическаго, но и экономическаго движенія рабочихъ, что самодержавіе не терпитъ *никакого движенія*, что ему нужна неподвижная, невѣжественная, забитая масса рабовъ, покорно несущихъ и экономическое, и политическое иго. А если многіе рабочіе сами этого не видѣли, то имъ раскрывали глаза ихъ товарищи — соціальдемократы. И изъ зубатовскаго обмана получался очень *поучительный урокъ* для многихъ отсталыхъ рабочихъ. Зубатовъ хотѣлъ потушить пожаръ политической борьбы рабочаго класса, а на дѣлѣ онъ только подливалъ масла въ огонь. Особенно рѣзко это обнаружилось лѣтомъ 1903 года, какъ мы еще увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Пока только отмѣтимъ, что полная неудача постигла не только зубатовскую хитрую политику, но и самаго Зу-

батова: еще въ 1903 году онъ получилъ отставку и, говорятъ, даже подвергся ссылкѣ.

Конечно, политика „ежовыхъ рукавицъ" не прекращалась ни во время, ни послѣ опытовъ Ванновскаго и Зубатова съ политикой „сердечнаго попеченія".

Въ томъ же 1901 году правительство принялось особенно сильно опутывать рабочихъ сѣтью шпіоновъ и полицейскихъ. Прежде всего была заведена такъ называемая *фабрично-заводская полиція*, на которую затрачены огромныя деньги, сверхъ расходовъ на общую полицію. Затѣмъ такъ называемое *„положеніе объ усиленной охранѣ"* было введено въ городахъ Тифлисъ, Баку, Екатеринославъ, Рига, Бѣлостокъ, Нижній Новгородъ, Вильна и во множествѣ другихъ мѣстъ, — какъ разъ такихъ, гдѣ есть *фабрично-заводское населеніе.* По этому положенію мѣстные губернаторы, градоначальники и полиціймейстеры могутъ отмѣнять обыкновенные россійскіе „законы" и издавать свои подъ видомъ „обязательныхъ постановленій", могутъ обычный произволъ нашей полиціи доводить до какой угодно степени. И сейчасъ же всѣ царскіе опричники широко воспользовались своими новыми правами. До чего они при этомъ доходили, можно судить по тому, что, напримѣръ, таврическій губернаторъ въ своемъ обязательномъ постановленіи запрещалъ обывателямъ „чрезмѣрно выражать одобреніе артистамъ въ театрѣ"...

Но всѣхъ мѣстныхъ опричниковъ перещеголялъ своей откровенностью главный опричникъ на тронѣ, Николай II: онъ счелъ нужнымъ передъ всѣмъ міромъ цѣловаться и *брататься съ начальникомъ всѣхъ жандармовъ.* Газеты оповѣстили весь міръ о томъ, что 6-го Декабря 1901 года, принимая въ своемъ Зимнемъ дворцѣ высшихъ представителей жандармской полиціи, Николай II сказалъ слѣдующія „знаменательныя" слова: *„я очень радъ васъ видѣть, господа! Надѣюсь, что союзъ, установившійся сегодня между мною и корпусомъ жандармовъ, будетъ крѣпнуть съ каждымъ годомъ".* И въ комъ же, въ самомъ дѣлѣ, царь можетъ искать себѣ надежныхъ союзниковъ, какъ не въ жандармахъ, если народъ все больше поднимается противъ неограниченной царской власти? Но долго-ли будетъ существовать и крѣпнуть этотъ союзъ? Конечно, только до тѣхъ поръ, пока ра-

бочій народъ будетъ терпѣть, чтобы судьбами Россіи распоряжался царь-жандармъ.

А что терпѣніе рабочаго класса начинаетъ истощаться — это показывали всѣ дальнѣйшія событія, между прочимъ *политическія демонстраціи, не прекращавшіяся*, несмотря на всѣ усилія правительства. Вотъ, напримѣръ, перечень демонстрацій только съ осени 1901 года до Мая 1902 года: 11-го Сентября въ Кишиневѣ, 19-го Сентября въ Петербургѣ, 8-го Ноября въ Москвѣ, 29-го Ноября и 2-го Декабря въ Харьковѣ, 15-го и 16-го Декабря въ Екатеринославѣ, 2-го и 3-го Февраля въ Кіевѣ, 9-го Февраля въ Москвѣ, 17-го Февраля въ Екатеринославѣ, 19-го Февраля въ Ростовѣ на Дону, 23-го Февраля въ Одессѣ, 3-го Марта въ Петербургѣ, 18-го Апрѣля въ Красноярскѣ и Ростовѣ на Дону, 21-го Апрѣля въ Баку, 1-го Мая въ Сормовѣ, 5-го Мая въ Саратовѣ.

Изъ этихъ демонстрацій особенно выдѣлились Кіевская, Петербургская и Бакинская. Въ Кіевѣ демонстрація привлекла до 15.000 человѣкъ, организованное ядро рабочихъ развернуло 3 красныхъ знамени. Въ Петербургѣ демонстрація 3-го Марта также была рабочей; рабочіе защищали себя и свое красное знамя отъ полиціи, которая прибѣгла къ свирѣпымъ избіеніямъ. Блестящей вышла организованная соціальдемократическимъ комитетомъ демонстрація въ Баку, въ которой участвовало до 5.000 рабочихъ.

Но царь-послѣдышъ все не сдавался. Въ борьбѣ съ народной революціей царское правительство измышляло все новыя средства, одно ужаснѣе другого. И каждое новое средство только подливало масла въ огонь.

Первое новое средство было *сѣченіе розгами.* Надо было не только избивать и мучить возставшихъ рабочихъ, надо было ихъ *унизить*, оскорбить ихъ *человѣческое достоинство.* И вотъ послѣ майской демонстраціи 1902 года въ *Вильнѣ* демонстрантовъ сѣкутъ розгами по приказанію и въ присутствіи новаго Малюты Скуратова — генералъ-губернатора Фонъ-Валя. То же дѣлаетъ въ *Екатеринославѣ* другой палачъ — губернаторъ Келлеръ.

Отвѣтомъ на это гнусное издѣвательство надъ смѣлыми борцами скоро явилось расширеніе борьбы до такихъ размѣровъ, что палачи поняли все безсиліе новаго

средства. Но и сейчасъ-же на мѣстѣ поруганная человѣческая личность не могла удержаться отъ того, чтобы не попытаться отомстить гнусному насильнику: въ Фонъ-Валя стрѣлялъ, хотя и не совсѣмъ удачно, изъ револьвера еврейскій рабочій Гиршъ Леккертъ: черезъ нѣсколько дней надъ нимъ продѣлали комедію „суда“, и благородный Леккертъ былъ повѣшенъ...

Настоящимъ отвѣтомъ рабочаго класса на примѣненіе къ демонстрантамъ розогъ было, какъ мы увидимъ, необычайное усиленіе рабочаго движенія, въ особенности выдающіяся событія на берегахъ Дона. Но еще раньше этихъ событій палачи были потревожены съ той стороны, откуда они никакихъ непріятностей для себя не ждали: тронулась деревня, зашевелилась черноземная сила — темное, забитое *крестьянство.*

Его *разореніе* шло полнымъ ходомъ благодаря „неустаннымъ заботамъ“ царя-батюшки. *Голодъ*, разразившійся еще въ 1891—92 годахъ, съ тѣхъ поръ никакъ не хотѣлъ покинуть сермяжную деревенскую Россію. Каждый годъ пухли отъ голода крестьяне то одной, то другой, то нѣсколькихъ губерній сразу. Что же подсказало Николаю II его „любвеобильное сердце“? Чтобы помочь бѣдѣ, онъ... отнялъ продовольственное дѣло отъ земствъ и передалъ его въ руки земскихъ начальниковъ. Ходатайства сельскихъ сходовъ объ отпускѣ имъ ссуды на обсѣмененіе или на прокормленіе голодающаго крестьянства, клались земскими начальниками подъ сукно. Земскіе начальники изо всѣхъ силъ старались, чтобы голодные мужики вынуждены были за безцѣнокъ наниматься къ нимъ же и къ ихъ сосѣдямъ помѣщикамъ. Крестьяне во многихъ мѣстахъ работали на помѣщика 3-4 дня въ недѣлю (больше чѣмъ при крѣпостномъ правѣ), и все таки не выбивались изъ нищеты, все таки нечѣмъ бывало накормить семью. Положеніе было безвыходное... А амбары помѣщиковъ ломились подъ тяжестью насыпаннаго въ нихъ хлѣба. Темные крестьяне прислушивались къ рѣчамъ присланныхъ въ голодающія деревни изъ городовъ безработныхъ рабочихъ, не могли понять смысла этихъ рѣчей или поняли по своему, по сермяжному: мы, молъ, голодны, а у пановъ амбары полны хлѣба, — вотъ мы пойдемъ, подѣлимся этимъ хлѣбомъ — и будемъ сыты.

И вотъ въ мартѣ 1902 г. начинаются *волненія среди*

крестьянъ — мужицкій „бунтъ". Движеніе это, какъ пожаръ, заливаетъ цѣлый рядъ губерній: изъ Полтавской и Харьковской губерній, гдѣ оно зародилось, оно перебрасывается въ Кіевскую, Саратовскую, Черниговскую, Воронежскую, Тамбовскую и др. Всюду крестьяне толпой подъѣзжають на повозкахъ къ помѣщичьимъ усадьбамъ, вызываютъ барина, просятъ его добромъ подѣлиться хлѣбомъ, иногда даже предлагаютъ плату, конечно низкую, а получивъ отказъ, предлагаютъ помѣщику съ семьей сейчасъ-же уѣхать, сами-же взламываютъ замки, наполняютъ телѣги хлѣбомъ и, иногда поджегши усадьбы, уѣзжаютъ домой. Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьяне ни разу не прибѣгли къ насилію надъ личностью помѣщиковъ, хотя ихъ жизнь была всюду въ рукахъ толпы.

И отплатило-же имъ за это добродушіе царское правительство! Возставшія деревни Полтавской и Харьковской губерній скоро были наводнены сворой полицейскихъ, казаковъ, солдатъ съ губернаторами во главѣ и — *пошла свистѣть розга...* Сѣкли безпощадно, звѣрски; пороли такъ, что изо рта и носа жертвы текла кровь; давали по 100, даже по 200 ударовъ. Въ трехъ деревняхъ Полтавской губерніи выпороли поголовно все населеніе: и стариковъ, и дѣтей, и дѣвушекъ; у многихъ отъ порки отваливались куски мяса; нѣкоторыхъ засѣкали до смерти. Нѣсколько крестьянъ сами повѣсились, не вынесши унизительнаго истязанія. Особенно звѣрски неистовствовалъ харьковскій губернаторъ, князь *Оболенскій.* Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ наслаждался стонами истязаемыхъ жертвъ и приговаривалъ: „это вамъ, мерзавцы, по 30 плетей за то, что грабили, а еще по 30 отъ меня!" Подъ Полтавой царскіе опричники прибѣгли, кромѣ того, къ разстрѣлу крестьянъ. Крестьяне при этомъ заявляли: „Стрѣляйте, — намъ нечего терять!"...

Нечего и говорить, что этими свирѣпыми мѣрами возстаніе темныхъ крестьянъ скоро было подавлено. Въ „бунтовавшія" деревни были помѣщены солдатскіе постои, безъ удержу грабившіе крестьянъ, насиловавшіе ихъ женъ и дочерей. А тутъ-же по сосѣдству шли роскошныя пиршества господъ офицеровъ съ помѣщиками: они праздновали усмиреніе возставшихъ рабовъ. Сверхъ того, многіе крестьяне были арестованы и пре-

даны суду. Наконецъ, правительство наложило па деревню 800,000 рублей штрафа для возмѣщенія неизвѣстно кѣмъ подсчитанныхъ убытковъ господъ помѣщиковъ.... Такъ чиновники Николая II накормили и устроили изголодавшихся и разоренныхъ кормильцевъ и поильцевъ русской земли...

Если многіе крестьяне не могли перенести позора тѣлеснаго наказанія, если въ нихъ заговорило чувство личности, то не удивительно, что въ еще большей мѣрѣ выросла человѣческая личность въ фабрично-заводскомъ рабочемъ. Въ немъ уже силенъ былъ протестъ не только противъ его собственныхъ обидъ, но и противъ всякой несправедливости, противъ всякаго насилія. Это особенно рѣзко проявилось во время надѣлавшихъ много шума событій на *станціи Тихорѣцкой*, недалеко отъ Ростова на Дону, въ маѣ 1902 года. Судебный слѣдователь въ поѣздѣ сталъ приставать къ ѣхавшей въ одномъ съ нимъ вагонѣ молодой дѣвушкѣ *Золотовой* съ грязными предложеніями. Та не сдавалась. Слѣдователь, не долго думая, велитъ ее арестовать, якобы по подозрѣнію ея въ кражѣ у него зонтика. Поволокли Золотову въ сторожку при станицѣ Тихорѣцкой, и тамъ ее, говорятъ, изнасиловалъ сначала самъ слѣдователь, а потомъ несомнѣнно сдѣлали то-же всѣ станичныя власти, наконецъ, она была предоставлена всякому желающему за 20 коп. Опозоренная, истерзанная дѣвушка не вынесла мученій и тутъ-же отравилась, а можетъ быть, была отравлена. Вотъ какова была эта „обыкновенная исторія“; такая исторія у насъ въ самодержавной Россіи обыкновенно остается шитой-крытой, ибо опричникъ на тронѣ всегда прикрываетъ всѣ грѣхи большихъ и малыхъ опричниковъ. На этотъ разъ вышло, однако, не то. Въ Тихорѣцкой есть желѣзнодорожныя мастерскія, гдѣ работаетъ нѣсколько тысячъ пролетаріевъ. А русскій пролетарій сдѣлался уже главнымъ борцомъ противъ всякой гнусности, кто бы отъ нея ни страдалъ. Дѣйствительно, тихорѣцкіе рабочіе, возмущенные дикимъ насиліемъ надъ Золотовой, бросились въ станицу, разнесли въ щепы сторожку, разрушили станичное правленіе и желѣзнодорожную станцію и избили полицію и казаковъ, — словомъ, подняли такую бучу, что замять исторію съ Золотовой уже нельзя было, и вся

грамотная Россія узнала о гнусной продѣлкѣ царскихъ башибузуковъ. Это не мѣшало, однако, царскому правительству выгородить мерзавца слѣдователя и посадить на скамью подсудимыхъ мужественныхъ рабочихъ въ Тихорѣцкой.

Но всѣ эти событія остались въ тѣни, когда разыгрались знаменитые *ноябрскіе дни въ Ростовѣ на Дону*. Началось съ пустяка: 4-го ноября объявлена была стачка рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, организованная Донскимъ комитетомъ Соціальдемократической Партіи. 4000 забастовщиковъ стали устраивать сходки во дворѣ мастерскихъ для обсужденія положенія дѣла. Скоро къ стачкѣ присоединились рабочіе многихъ другихъ заводовъ и фабрикъ. Для рабочихъ сходокъ дворъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ скоро оказался слишкомъ тѣснымъ: сходки были перенесены на окраину города— на „Темерницкую балку“, и сюда стали ежедневно стекаться несмѣтныя массы рабочаго люда послушать рѣчи агитаторовъ Донскаго комитета. *Сборища доходили до* 30,000 *человѣкъ и велись ежедневно*. Почувствовавъ себя вь массѣ крупной силой, ростовскіе рабочіе смѣло пользовались гражданской свободой въ то время, когда вся Россія стонала въ цѣпяхъ политическаго рабства. На Темерницкой балкѣ не дѣйствовали обычные „законы“ самодержавной опричины. Здѣсь происходило нѣчто невиданное и неслыханное еще въ Россіи: подъ открытымъ небомъ ежедневно шли многотысячныя собранія, лилась страстная рѣчь смѣлыхъ соціальдемократовъ Брагина и Ставскаго; толпа съ замираніемъ сердца прислушивалась къ этимъ рѣчамъ, которыя бичевали произволъ и насилія проклятаго самодержавія, бездушіе грабителей капиталистовъ. И когда рабочій Ставскій или Брагинъ спрашивали: „*нужна-ли намъ политическая свобода?*“, то изъ многихъ тысячъ грудей неслось въ отвѣтъ могучее „да!“ Тутъ же, на глазахъ у полиціи и казаковъ, безъ страха раздавали прокламаціи Донскаго комитета. И кто только не являлся на эти необыкновенныя сходки! Кромѣ рабочихъ стачечниковъ, тутъ были тысячи рабочихъ, побросавшихъ мастерскія, чтобы пойти послушать смѣлыя рѣчи, были прикащики, гимназисты, мѣщане, чиновники, купцы, расфуфыренныя дамы въ экипажахъ, захваченные потокомъ необычайныхъ событій, крестьяне изъ окрестныхъ деревень. Въ

городѣ жизнь чуть не замерла: въ полиціи, говорятъ, цѣлую недѣлю лежала не вскрытой почта, почти всѣ полицейскіе чины были „на балкѣ“, гдѣ они бездѣйствовали и... тоже слушали „дерзкія“ рѣчи соціальдемократовъ. Начальство совсѣмъ растерялось и не знало, что предпринять. 9-го ноября, когда казаки не смѣли аттаковать 20-ти тысячную толпу, ей было заявлено, что „атаманъ“ (вродѣ генералъ-губернатора) „разрѣшаетъ“ сходку, чтобы толпа могла выбрать депутатовъ къ нему для переговоровъ. Да и попробовалъ-бы онъ въ то время не „разрѣшать“ сходку! Депутаты, вернувшись отъ атамана, разсказали, что онъ обѣщаетъ удовлетворить требованія стачечниковъ, если они выдадутъ ораторовъ Брагина и Ставскаго. Ставскій сейчасъ же заявилъ, что если собраніе вѣритъ обѣщаніямъ царскаго чиновника, то онъ и Брагинъ, для блага всѣхъ рабочихъ, готовы тутъ-же, на глазахъ у всѣхъ, отдаться въ руки полиціи. „Нѣтъ, нѣтъ! Не выдадимъ васъ!“ единодушно заявляло собраніе.

Цѣлую недѣлю продолжались эти необыкновенныя сходки. Все проходило мирно. Только 11-го ноября, когда сходка закончилась и огромное большинство разошлось, казаки неожиданно отвѣтили залпомъ на нѣсколько камней, брошенныхъ дѣтьми: па мѣстѣ осталось *6 убитыхъ и 12 тяжело раненыхъ.* Это гнусное убійство не напугало, а скорѣе озлобило толпу, и сходки продолжали до 15-го ноября собирать „на балку“ не меньше народа, изъ полиціи-же больше никто не смѣлъ туда показываться.

Тѣмъ временемъ начальство стягивало въ Ростовъ отовсюду несмѣтное количество солдатъ и казаковъ. 15-го ноября предмѣстье Темерникъ было запружено войскомъ; городъ былъ отрѣзанъ цѣпью казаковъ отъ Темерника, и туда не пропускали ни одной души. Сходки стали невозможными. Начальство желѣзнодорожныхъ мастерскихъ обѣщало удовлетворить требованія стачечниковъ, если они станутъ на работу. Въ другихъ мастерскихъ нѣкоторыя требованія рабочихъ были удовлетворены теперь же. 23-го ноября рабочіе принялись вновь за работу. А начальство принялось арестовывать и высылать многихъ рабочихъ изъ Ростова въ другіе города, гдѣ они могли разсказать много инте-

реснаго и необыкновеннаго о славныхъ ноябрскихъ дняхъ, пережитыхъ ими.

Впрочемъ, и сейчасъ-же Ростовскія событія отразились въ нѣкоторыхъ рабочихъ центрахъ, какъ *Новороссійскъ, Тихорѣцкая.* Въ Тихорѣцкой тоже стали собираться большія сходки, гдѣ произносились открыто рѣчи. И здѣсь казаки уложили залпомъ *5 убитыхъ и 17 тяжело раненныхъ*, а потомъ, въ отместку за мужественное вмѣшательство тихорѣцкихъ рабочихъ въ дѣло Золотовой, казаки ворвались въ дома рабочихъ, грабили ихъ скудное имущество, избивали дѣтей, насиловали женщинъ... — словомъ продѣлали все то, что всегда въ такихъ случаяхъ дѣлаютъ царскіе башибузуки.

Ростовскія событія показали, какую силу представляютъ собою дружно дѣйствующіе рабочіе и какъ они могутъ прибѣгать къ такимъ способамъ борьбы, въ возможность которыхъ за полгода до того никто не могъ бы повѣрить.

Но и прежніе способы борьбы — въ видѣ уличныхъ демонстрацій—не прекращались: наоборотъ, ими заполнена была вся первая половина 1903 года. 17-го января устроили демонстрацію желѣзнодорожные рабочіе *въ Одессѣ*, 18-го февраля — студенты *въ Томскѣ*; такъ какъ казаки звѣрски избили демонстрантовъ, то 20-го числа собрались вновь на демонстрацію 3.000 человѣкъ, произносились рѣчи о политической свободѣ, и демонстранты разошлись лишь послѣ того, какъ полиція удалилась съ мѣста демонстраціи. 23-го февраля была демонстрація 6.000 рабочихъ въ *Тифлисѣ.* 2-го марта — замѣчательная демонстрація въ томъ-же *Ростовѣ на Дону*: 5.000-ная толпа ходила полтора часа по улицамъ города съ двумя красными знаменами. Когда полиція опомнилась отъ неожиданности и напала на демонстрантовъ, тѣ защищались, причемъ приставъ получилъ ударъ палкой по головѣ, отъ котораго и умеръ. За эту самозащиту 20 товарищей были переданы военному суду, и *трое изъ нихъ приговорены къ смертной казни*, которая потомъ замѣнена многолѣтней каторгой; къ каторгѣ приговорены и другіе обвиняемые. Того-же 2-го марта была отлично подготовлена и проведена демонстрація 2.000 рабочихъ въ *Баку*; рабочіе отбили нападеніе полиціи и защитили свое знамя. 9-го марта на-

селеніе *Батума* было поражено блестящей демонстраціей 3.000 рабочихъ, которые, съ оружіемъ въ рукахъ окруживъ свои 4 красныхъ знамени, обошли весь городъ, разбрасывая прокламаціи Комитета и стрѣляя въ воздухъ изъ ровольверовъ. 18-го апрѣля разыгралась большая демонстрація въ *Томскѣ* съ 5.000 участниковъ, съ политическими рѣчами. 27-го апрѣля опять громадная демонстрація въ *Баку*, въ которой участвовало до 10.000 человѣкъ.

Послѣ ростовскихъ событій въ ноябрѣ — рядъ такихъ массовыхъ, блестящихъ демонстрацій! Правительство теряло голову, не зная, чѣмъ, наконецъ, подавить все ростущую борьбу сознательныхъ рабочихъ, которые дѣйствуютъ все смѣлѣе и рѣшительнѣе, которыхъ не напугать никакимъ кровопролитіемъ. Вѣдь вотъ еще въ мартѣ 1903 года власти учинили страшную *бойню въ Златоустѣ*. Тамъ заводскіе рабочіе, недовольные введеніемъ новыхъ разсчетныхъ книжекъ съ большими штрафами, объявили стачку и, когда прибывшій губернаторъ потребовалъ къ себѣ рабочихъ депутатовъ и арестовалъ ихъ, всѣ пять тысячъ стачечниковъ высыпали на площадь и стали требовать освобожденія своихъ арестованныхъ товарищей. Безъ всякаго предупрежденія войска дали залпъ въ рабочихъ — и на мѣстѣ осталось *69 убитыхъ и около 100 раненыхъ*. Вѣсть объ этомъ новомъ и страшномъ злодѣяніи царскаго правительства быстро разнеслась всюду. Однако, и это не запугало рабочихъ въ другихъ городахъ. Уже *послѣ* бойни въ Златоустѣ были массовыя демонстраціи въ Томскѣ, Баку, Ригѣ и Батумѣ.

Значитъ, и самыя звѣрскія бойни не шли на пользу издыхающему самодержавію...

Но уже въ головахъ самодержавныхъ правителей зрѣетъ новый дьявольскій планъ борьбы съ рабочимъ движеніемъ. Они вспомнили, какъ въ темныхъ, невѣжественныхъ слояхъ народа сильна ненависть къ евреямъ, ненависть, воспитанная вѣками и поддерживаемая самими же правительственными чиновниками. Отчего же не отвести отъ самодержавія надвигающуюся народную грозу, отчего не *направить эту грозу на еврейскую голытьбу?*

Вѣдь было же нѣчто подобное въ древней римской имперіи, въ первые вѣка распространенія христіанства:

тамъ тоже натравливали невѣжественную массу римлянъ на иновѣрныхъ христіанъ, чтобы отвлечь гнѣвъ изголодавшагося народа отъ господствовавшей тогда шайки грубыхъ, обжорливыхъ, развращенныхъ императоровъ и баръ-патриціевъ.

А здѣсь этотъ дьявольскій планъ такъ и напрашивался: съ одной стороны запертая въ „черту осѣдлости“, лишенная права на многіе заработки, живущая въ тѣснотѣ и нищетѣ еврейская масса, которую привыкла презирать и обирать всякая „кокарда“, начиная съ городового; съ другой—темная масса христіанъ,—ремесленниковъ, босяковъ, лавочниковъ, крестьянъ, которые вдоволь настрадались отъ обирательства, прижимки, насилія, которые унижены, озлоблены и, по невѣжеству своему, не знаютъ, гдѣ тотъ источникъ, изъ котораго сыплются на нихъ всѣ бѣды. А тутъ имъ съ дѣтства нашептываютъ: „жидъ-христопродавецъ, жидъ-кровопійца, мошенникъ, грабитель“. Правда этотъ „грабитель“ сплошь да рядомъ самъ голъ, какъ соколъ, самъ кормится со своей семьей на двугривенный въ день, самъ готовъ продѣлать всякую каторжную работу за пятакъ. Но развѣ можетъ темный, грубый и озлобленный босякъ или лавочникъ отказаться отъ случая потѣшиться надъ беззащитнымъ человѣкомъ, котораго всѣ презираютъ, оплевываютъ, травятъ всю жизнь? А *правительству было очень выгодно дать волю дикимъ страстямъ грубой толпы*: пусть гнѣвъ обираемой и угнетаемой народной массы направляется на „жидовъ“, а не на господствующую шайку грабителей и насильниковъ.

При томъ же правительство было сильно озлоблено на еврейскихъ рабочихъ за то, что они еще больше русскихъ рабочихъ поняли корень всѣхъ общественныхъ бѣдъ Россіи и еще самоотверженнѣе подняли знамя борьбы за политическую свободу и за соціализмъ. Царскимъ министрамъ, въ особенности министру внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве, представилась заманчивая возможность и отъ самодержавія отвести гнѣвъ народа, да еще нанести рѣшительный ударъ опаснымъ врагамъ этого самодержавія.

И они принялись за это дѣло съ холоднымъ разсчетомъ, съ звѣрскимъ бездушіемъ, на которое способны только царскіе опричники. Для осуществленія

гнуснаго замысла былъ выбранъ городъ *Кишиневъ*, гдѣ травлей евреевъ давно уже занимался на казенныя деньги нѣкій Крушеванъ въ своей газетѣ „Бессарабецъ". Въ Кишиневъ былъ посланъ министромъ фонъ-Плеве въ качествѣ начальника охраннаго отдѣленія жандармскій полковникъ баронъ фонъ-Левенталь. Онъ завелъ контору съ цѣлой сворой агентовъ, которые *ничѣмъ другимъ не занимались, какъ подготовкой еврейскаго погрома:* подбирали босяковъ, которыхъ за цѣлковый можно купить, распредѣляли между ними оружіе, распространяли по трактирамъ жандармскія прокламаціи, въ которыхъ говорилось, что надо бить евреевъ, что за это наказывать не будутъ. Словомъ, все дѣло гнуснаго избіенія невинныхъ людей было подготовленно наилучшимъ образомъ и принаровлено къ пасхѣ, т. е. къ празднику любви и всепрощенія...

За поводомъ дѣло не стало. Гдѣ-то на улицѣ произошла обыкновенная драка: сейчасъ-же стала стекаться *подготовленная* шайка громилъ, стала орудовать сама и подбивать крестьянъ и лавочниковъ. Въ короткое время Кишиневъ, особенно его окраины, гдѣ живетъ бѣднота, сдѣлались мѣстомъ *неслыханныхъ звѣрствъ.* Громилы ураганомъ проносились по улицамъ, врываясь въ дома, разбивали все, что попадалось имъ подъ руку. Въ рукахъ громилъ оказались топоры, ломы, ножи и револьверы; отъ разрушенія имущества скоро перешли къ избіенію людей и, все болѣе опьяняясь свободою безчинства, стали убивать, мучить евреевъ, продѣлывая надъ ними *небывалыя звѣрства*: евреямъ забивали гвозди въ головы, распаривали животы и набивали ихъ соломой и камнями, выкалывали глаза, сбрасывали съ крышъ, топили въ отхожихъ мѣстахъ, публично насиловали женщинъ, отрѣзывали имъ груди.

Что дѣлала въ это время полиція? Она оберегала громилъ, указывала имъ, куда дальше перейти, гдѣ живутъ евреи, устраняла всякаго христіанина, который желалъ помочь евреямъ. Когда евреи старались вырваться изъ рукъ убійцъ, полиція имъ этого не позволяла; когда вырвавшіеся старались уѣхать изъ города, полиція не пускала ихъ на вокзалъ. На глазахъ у полиціи озвѣрѣвшая толпа стаскивала евреевъ съ трамвая и тутъ же расправлялась съ ними. Когда на второй день погрома евреи просили губернатора усмирить погромщи-

ковъ военной силой, онъ отвѣтилъ, *что не имѣетъ права, что ждетъ распоряженія изъ Петербурга.*

Три дня совершались, при содѣйствіи полиціи, эти неистовства агентовъ Левенталя и натравленной ими толпы. И когда, наконецъ, „дѣло“ было сдѣлано, губернаторъ отдалъ приказъ: довольно! — и сразу кровавая бойня прекратилась. А „дѣло“ было серьезное: *болѣе ста евреевъ убито и замучено на смерть*, нѣсколько сотенъ поранено и искалѣчено, до тысячи домовъ разрушено...

Забрызганные кровью царскіе опричники могли быть довольны дѣломъ рукъ своихъ. Баронъ Левенталь закрылъ свое „охранное отдѣленіе“ и уѣхалъ изъ Кишинева: *больше ему тамъ дѣлать было нечего...*

Правительство торжествовало: оно было убѣждено, что нашло, наконецъ, сильное средство, которое избавитъ его отъ надвигающейся народной революціи. Оно начало мечтать о примѣненіи кишиневскаго лекарства для излеченія и другихъ городовъ отъ язвы рабочаго движенія. Но оно скоро убѣдилось, что это безсмысленное мечтаніе. Во всѣхъ крупныхъ городахъ юга Россіи, гдѣ живутъ евреи, рабочіе оказались ужъ слишкомъ сознательными, чтобы ихъ можно было подбить на месть евреямъ вмѣсто борьбы съ современнымъ строемъ. Мало того: правительство имѣло всѣ основанія опасаться, что начавшійся въ этихъ городахъ еврейскій погромъ скоро превратится, подъ вліяніемъ организованныхъ рабочихъ, въ возстаніе противъ самодержавнаго строя. Объ этомъ ясно заявили многіе соціальдемократическіе комитеты.

Правительство все-же рѣшило сдѣлать новый опытъ въ *Гомелѣ*, маленькомъ городкѣ западнаго края. И оно начало тамъ работать „по кишиневски“. Но Гомель оказался не тѣмъ, что Кишиневъ: зашевелились организованные еврейскіе рабочіе, стали устраивать кружки самообороны, пріобрѣтать оружіе; они выступали съ оружіемъ въ рукахъ, когда начинались безпорядки противъ евреевъ и прекращали эти безпорядки въ самомъ зародышѣ. *На помощь имъ выступили русскіе сознательные рабочіе*, которые прекрасно понимали, что, устраивая погромы евреевъ, правительство старается нанести ударъ освободительному движенію *всѣхъ* пролетаріевъ Россіи. Въ то же время борьба рабочихъ противъ капитализма и

самодержавія не прекращалась, — наоборотъ, она все разрасталась. Такимъ образомъ правительство Николая II скоро убѣдилось, что кишиневской и гомельской рѣзней оно только вызвало къ себѣ отвращеніе и омерзѣніе во всемъ мірѣ, а дѣло защиты современнаго строя Россіи не подвинулось ни на шагъ.

Ярче всего это проявилось во время знаменитыхъ *всеобщихъ забастовокъ лѣтомъ того же 1903 года.* Въ этомъ, движеніи охватившемъ весь югъ Россіи видно было *сознаніе широкихъ рабочихъ массъ, что такъ дольше жить становится невозможнымъ.* Та потребность борьбы за лучшую жизнь, которая толкнула 3 года назадъ однихъ только харьковскихъ рабочихъ покинуть мастерскія и отпраздновать свою маевку, теперь охватила одновременно рабочихъ цѣлаго ряда южныхъ городовъ. Эта небывалая во всемъ мірѣ стачечная буря охватила *больше 200.000 рабочихъ* всѣхъ промысловъ.

Началось это движеніе съ пылкаго Кавказа. Въ *Баку* забастовали 1-го іюля рабочіе нефтяныхъ промысловъ, а къ 5-му іюля, благодаря двухлѣтней энергичной работѣ Бакинскаго соціальдемократическаго комитета, расшевелившей всѣхъ бакинскихъ рабочихъ, стачка охватила уже весь городъ и окрестности. Въ *Одессѣ* поводомъ послужилъ пустякъ: увольненіе одного рабочаго изъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Забастовали сначала (1-го іюля) эти мастерскія и рабочіе порта, а 4-іюля уже бастовали всѣ мастеркія города и порта. Изъ Баку стачечный пожаръ перенесся въ *Тифлисъ* и *Батумъ*: здѣсь къ 17-му іюля бастовалъ уже весь городъ. Изъ Одессы движеніе перебросилось въ *Николаевъ.* Затѣмъ соціальдемократическіе комитеты *Кіева, Елисаветграда, Екатеринослава* и *Керчи* постепенно добились всеобщей забастовки и въ этихъ городахъ, обратившись къ рабочимъ съ призывомъ о поддержкѣ своихъ товарищей, борющихся въ Баку, Тифлисѣ, Батумѣ, Одессѣ и Николаевѣ.

Во всѣхъ этихъ городахъ рабочіе бросали работы, приводя въ ужасъ господъ буржуа, которые спѣшили позакрывать свои магазины и склады, замѣтивъ на улицахъ многотысячную толпу рабочихъ. Этотъ страхъ былъ понятенъ: въ самомъ дѣлѣ, въ знаменитые іюльскіе дни во всѣхъ этихъ городахъ былъ перевернутъ вверхъ дномъ весь строй жизни, основанный на пора-

бощеніи всѣхъ трудящихся. Тѣ, кому „полагается" вытягивать изъ себя жилы у станковъ и машинъ для содержанія и обогащенія праздныхъ собственниковъ, перестали вдругъ исполнять свою „обязанность" и неожиданно увидали, *какъ безъ нихъ*, этихъ загнанныхъ рабовъ, *жалко и безпомощно все общество и государство*, какъ все замерло, лишь только рабочій классъ скрестилъ свои руки.

Небывалая это была картина. Всѣ фабрики, мастерскія, магазины закрыты, трамвай не ходитъ, извозщиковъ почти не видно; газеты не выходятъ; поѣзда не отправляются; пароходы стоятъ безъ движенія въ тѣхъ портовыхъ городахъ, гдѣ застигла ихъ забастовка. Пекарни не работаютъ; почти нѣтъ ни хлѣба, ни мяса; не дѣйствуетъ ни электрическое, ни газовое освѣщеніе, и улицы ночью погружены въ глубокій мракъ. Громадный механизмъ промышленной и торговой дѣятельности замеръ. За то всюду работаетъ мысль и чувство; всѣ обычные преграды и запреты не дѣйствуютъ; тысячныя толпы рабочихъ ходятъ по улицамъ, устраиваются массовыя сходки, гдѣ соціальдемократическіе ораторы въ страстныхъ рѣчахъ зовутъ рабочихъ на борьбу противъ порабощенія народа. На сходки собираются десятки тысячъ: въ Баку, Кіевѣ, Екатеринославѣ бывали *собранія въ 40 тысячъ рабочихъ*. Тутъ же открыто раздаютъ *прокламаціи десятками тысячъ*, которыя, однако, являются каплей въ морѣ.

Требованія рабочихъ всюду сводились къ сокращенію рабочаго дня, къ увеличенію платы и къ лучшему обращенію. Во многихъ мѣстахъ рабочіе бросали работы, вовсе не предъявляя никакихъ требованій, — да вѣдь не въ нихъ было дѣло: въ массахъ накопилось много недовольства, озлобленія на всѣ прижимки, насилія, произволъ и обманъ, рабочимъ надо было излить это недовольство, протестъ. Это они и дѣлали, присоединяясь къ всеобщей забастовкѣ.

Въ Одессѣ подготовили и организовали стачку тѣ самые „независимые" рабочіе, которыхъ организовали агенты Зубатова для борьбы съ „политикой". И тутъ то ясно можно было видѣть, съ какимъ опаснымъ огнемъ игралъ Зубатовъ. Его главный помощникъ въ Одессѣ, докторъ *Шаевичъ*, въ серьезъ принялся объединять одесскихъ рабочихъ для одной только эконо-

мической борьбы. И когда въ Одессѣ запахло стачкой, Шаевичъ принялся за дѣло, устраивалъ собранія, говорилъ рѣчи, предлагалъ выставить мелкія требованія. Но когда одесская стачка разрослась, она перестала быть „только экономической": оказалось, что Шаевичъ работалъ надъ организаціей протеста противъ всего экономическаго и политическаго гнета. Шаевичъ старался отговорить рабочихъ отъ широкаго протеста и вернуть ихъ къ мелкимъ требованіямъ, но напрасно. На одномъ громадномъ собраніи Шаевичъ въ отчаяніи вопрошалъ рабочихъ: „Чего вы хотите? Головой объ стѣну или медленно сверлить ее?" — „*Головой объ стѣну*!" единодушно отвѣчали рабочіе. Шаевичъ потерялъ власть надъ умами рабочихъ и исчезъ изъ Одессы.

Нужно ли говорить, что въ этой знаменательной борьбѣ путь рабочихъ былъ обильно политъ ихъ кровью, какъ и всякій ихъ шагъ на пути къ освобожденію. Что вездѣ работали нагайка и кулакъ — само собою понятно. Но работало царское доблестное воинство и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Напримѣръ, на *станціи Михайлово* (Закавказской жел. дороги) рабочіе хотѣли отцѣпить паровозъ у прибывшаго туда поѣзда, чтобы остановить движеніе. На нихъ сначала набросились стражники, а затѣмъ приставъ приказалъ стрѣлять: на мѣстѣ осталось *36 чел. убитыхъ и пятеро раненыхъ. Въ Одессѣ* забастовавшихъ кондукторовъ и кучеровъ конки заманили 19 іюля въ депо, связали и звѣрски избили; двое изъ нихъ вскорѣ умерли. Въ *Кіевѣ* желѣзно-дорожные рабочіе хотѣли 23 іюля помѣшать выходу паровозовъ изъ депо; сначала принялись работать нагайками казаки, произошла свалка, и паровозы были выведены изъ депо. Но затѣмъ, когда рабочіе опять собрались, вицегубернаторъ привелъ войска и велѣлъ стрѣлять; было дано три залпа, изъ нихъ два послѣднихъ — *въ тылъ убѣгающей толпы*: на мѣстѣ легло *4 убитхъ* и *20 тяжело раненыхъ*, въ томъ числѣ одна женщина. Рабочіе подобрали трупы убитыхъ товарищей и понесли ихъ на вокзалъ: съ обнаженными головами, съ лицами, которыя дышали отчаяніемъ и злобой, пришедшіе на вокзалъ положили трупы къ ногамъ начальства со словами: „*Вотъ на-те, мы принесли вамъ свѣжее мясо. Жрите*!" — *и ушли....*

Послѣ этого гнуснаго убійства стачка въ Кіевѣ только и сдѣлалась *всеобщей*, а черезъ два дня царскіе опричники устроили въ томъ же Кіевѣ новую бойню на Подолѣ. Тутъ собравшаяся громадная толпа рабочихъ подверглась нападенію казаковъ за то, что нѣсколько подростковъ выбили окна на мельницѣ Бродскаго; рабочіе защищались камнями. А когда толпа стала уже расходиться, рота солдатъ дала въ уходящихъ четыре залпа: и опять *трое убитыхъ и много раненныхъ*. Всего въ одномъ Кіевѣ было въ іюльскіе дни *убито 15 человѣкъ и ранено больше ста.*

Въ Екатеринославѣ во все время стачки происходили избіенія рабочихъ нагайками и шашками.

Во время одного такого избіенія возмущенная звѣрствомъ полиціи женщина подбѣжала къ офицеру и ударила его въ голову. Офицеръ безъ всякаго предупрежденія приказалъ стрѣлять — и вотъ опять *11 человѣкъ убито на мѣстѣ (изъ нихъ двое дѣтей), 13 тяжело раненыхъ скоро послѣ того умерли* и 15 легко раненныхъ. Рядъ столкновеній съ полиціей и войскомъ происходилъ въ *Николаевѣ*; несмотря на всю осторожность поведенія рабочихъ, и здѣсь былъ данъ въ нихъ залпъ; *нѣсколько человѣкъ ранено, 1 убитъ*, Съ своей стороны рабочіе, защищаясь камнями, убили одного околодочнаго и ранили нѣсколько солдатъ. Такія же столкновенія были и въ Елисаветградѣ и въ *Керчи*: въ послѣднемъ городѣ было *убито 3 рабочихъ* при попыткѣ освободить арестованныхъ товарищей.

Постепенно, однако, волна народнаго броженія улеглась, рабочіе вернулись къ работѣ. Кое гдѣ добились удовлетворенія требованій. Но не въ нихъ была сила. Надо было дать исходъ накопившемуся чувству недовольства и негодованія противъ своего порабощенія. Рабочіе были еще мало организованы, чтобы добиться свободы. Но забастовка 200 съ лишнимъ тысячъ пролетаріевъ многому научила всѣхъ рабочихъ Россіи: объ этомъ особенно позаботилось царское правительство. И недалеко то время, когда урокъ всеобщей забастовки научитъ пролетаріатъ тѣснѣй собираться подъ знамя Соціальдемократіи, когда память о славныхъ іюльскихъ дняхъ 1903 года наполнитъ сердца пролетаріевъ жаждой мщенія и борьбы: тогда падетъ,

наконецъ, грузное, всѣхъ давящее, подгнившее зданіе царскаго самовластья.

Именно *всѣхъ давящее, — почти всѣ классы, всѣ народности.* Мы уже видѣли, какъ безпощадно двуглавый хищникъ терзалъ мирную Финляндію, какое море страданій, смертей и униженій онъ выливалъ на головы евреевъ. Скоро послѣ всеобщихъ забастовокъ въ іюлѣ мѣсяцѣ настала очередь *армянъ.* Тутъ правительство Николая II пошло на настоящій *грабежъ.* Армянское населеніе на Кавказѣ имѣло свои общественные капиталы и имущества, оцѣниваемые во много милліоновъ. Эти средства находились во владѣніи церковныхъ приходовъ и тратились на дѣла общественной благотворительности и устройство школъ и библіотекъ среди армянскаго населенія. Все это дѣлалось, конечно, на основаніи существующихъ законовъ. Но что значатъ законы для самодержавнаго правительства, у котораго главнѣйшій законъ — это произволъ и насиліе?

И вотъ 12 іюля 1903 года Николай II издаетъ приказъ — *отобрать у армянъ всѣ церковныя имущества и передать ихъ въ казну.* Такого открытаго, наглаго грабежа армянское населеніе не могло перенести спокойно. Началось сильное возбужденіе среди всѣхъ слоевъ этого населенія. Царскіе чиновники, требовавшіе передачи имъ ключей, книгъ съ записями, документовъ и капиталовъ, всюду встрѣчали отпоръ.

Въ *Баку, Тифлисѣ, Карсѣ* и другихъ городахъ тысячныя толпы армянъ оказывали сопротивленіе наглому грабежу, устраивали сборища, вооруженныя демонстраціи. Царскіе чиновники, конечно, прибѣгли къ своему обыкновенному средству — избіенію нагайками, ружейнымъ залпамъ: было много жертвъ, но грабежъ былъ доведенъ до конца. Самодержавіе нажило себѣ новыхъ враговъ въ мирномъ армянскомъ населеніи.

Жгучая злоба и жажда мести скоро дала себя знать въ видѣ цѣлаго ряда покушеній армянъ на главноначальствующаго князя Голицина, на Елизаветпольскаго губернатора и др.

Впрочемъ *покушенія и убійства крупныхъ правительственныхъ чиновниковъ,* — ужъ не говоря объ убійствѣ десятковъ шпіоновъ, — происходили при Николаѣ II до-

вольно часто и помимо Кавказа. *Кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ пожинаетъ бурю.* Тѣ царскіе опричники, которые забрызганы кровью многочисленныхъ жертвъ, которые сѣютъ вокругъ себя смерть, страданія и позоръ, нерѣдко сами падаютъ жертвою револьверной пули или динамитной бомбы смѣльчака-гражданина. Мы уже видѣли, что министръ народнаго „просвѣщенія" *Боголѣповъ* умеръ отъ пули студента Карповича; мы упоминали также о покушеніи еврейскаго рабочаго Лекерта на жизнь *Фонъ-Валя*; неудачно покушался также рабочій Качура на харьковскаго губернатора князя *Оболенскаго*, который, какъ мы видѣли, такъ звѣрски расправлялся съ возставшими въ 1902 году крестьянами. Въ томъ же 1902 году министръ внутреннихъ дѣлъ *Сипягинъ* былъ убитъ изъ револьвера революціонеромъ Балмашевымъ; Балмашевъ за это сложилъ свою горячую голову на висѣлицѣ. Въ 1903 году былъ убитъ двумя революціонерами уфимскій губернаторъ *Богдановичъ* — тотъ самый, который распоряжался бойней въ Златоустѣ. Мы упоминали уже объ убійствѣ финляндскаго генералъ-губернатора *Бобрикова* сыномъ финляндскаго сенатора Шауманомъ. Наконецъ, 15-го іюля этого года былъ динамитной бомбой убитъ самый гнусный опричникъ Николая II, министръ внутреннихъ дѣлъ *фонъ-Плеве.* Участвовавшіе въ этой казни самаго ужаснаго мучителя Россіи члены „Боевой Организаціи партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ", Сазоновъ и Сикорскій присуждены къ каторгѣ — первый на всю жизнь, второй на 20 лѣтъ. Надо надѣяться, что этихъ двухъ смѣльчаковъ, какъ и многихъ другихъ, замуравленныхъ царскимъ правительствомъ въ каменные мѣшки Шлиссельбургской крѣпости, скоро освободитъ отъ мучительной неволи побѣдоносное возстаніе рабочей массы и всѣхъ борцовъ за политическое освобожденіе Россіи. Не геройское самопожертвованіе отдѣльныхъ смѣльчаковъ освободитъ русскій народъ отъ позора самодержавія; наоборотъ: революціонная борьба народа, уничтоживши чудовище самодержавія, освободитъ и тѣхъ смѣльчаковъ-революціонеровъ, которые весь святой огонь своей любви къ угнетенному народу вложили въ дѣло уничтоженія отдѣльныхъ—малыхъ или большихъ—деспотовъ.

Конечно, неудивительно, что деспоты и мучители русскаго народа становятся все болѣе ненавистными —

не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, гдѣ только бьется сердце за свободу и счастье человѣчества. Это особенно сильно на себѣ почувствовалъ послѣдній „самодержецъ всея Россіи" Николай II. Послѣ всѣхъ ужасныхъ, кровавыхъ событій, о которыхъ мы говорили выше, русскій царь вызвалъ къ себѣ во всей Европѣ *жгучую ненависть и презрѣніе.* Когда Николай II поѣхалъ въ Австрію, чтобы повидаться съ императоромъ Францъ-Іосифомъ, то *вѣнскіе рабочіе* на своихъ многолюдныхъ собраніяхъ клеймили коронованнаго палача Россіи и громко протестовали противъ въѣзда того, кто забрызганъ кровью своего порабощеннаго народа: Николай II струсилъ и, быстро объѣхавъ городъ Вѣну, устроилъ себѣ свиданіе съ Францъ-Іосифомъ въ глухомъ дачномъ уголку.

Еще хуже пришлось русскому самодержцу, когда онъ хотѣлъ исполнить свое торжественно данное обѣщаніе — посѣтить столицу Италіи, Римъ. По предложенію соціальдемократической газеты „Аванти", *италіанскіе рабочіе* рѣшили пріобрѣсти десятки тысячъ свистковъ и *освистать царя* повсюду въ Италіи, гдѣ онъ только ни появится. Какъ ни старалось буржуазное правительство Италіи отговорить или запугать рабочихъ, — они твердо держались своего рѣшенія: не пустить въ Италію поработителя 140 милліоновъ людей. *И царь былъ вынужденъ вовсе отказаться отъ поѣздки въ Италію.*

Оказывается такимъ образомъ, что сознательные рабочіе запретили „самодержцу всея Россіи" пребываніе въ Европѣ, точно также, какъ его правительство запрещаетъ евреямъ проживаніе чуть не въ половинѣ Россіи и политически „неблагонадежнымъ" лицамъ проживаніе въ столицахъ и въ фабрично-заводскихъ городахъ. Вражда и презрѣніе къ гнусному самодержавному строю и къ коронованной самодержавной куклѣ все больше растутъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ.

III. Начало конца самодержавія.

Въ первыхъ двухъ главахъ нашего очерка мы вкратцѣ передали самое существенное о крупнѣйшихъ событіяхъ за время десятилѣтняго царствованія Николая II вплоть до начала *русско-японской войны.* Гово-

рить *подробно* объ этихъ событіяхъ значило-бы написать не одинъ только очеркъ, а много толстыхъ книгъ. Что касается войны, то о томъ, какъ она началась, для чего затѣяна и къ чему она приводила до сихъ поръ — объ этомъ мы здѣсь вовсе разсказывать не станемъ: эти свѣжія события еще у всѣхъ въ памяти; обо всемъ этомъ товарищи читаютъ въ брошюрахъ, въ листкахъ, въ газетахъ, — въ томъ числѣ въ рабочей газетѣ „Соціаль-демократъ".

Война всѣмъ показала, что дни самодержавнаго строя въ Россіи сочтены, что теперь быстрыми шагами приближается *конецъ самодержавія*. Съ одной стороны русскій народъ выросъ изъ пеленокъ, возмужалъ, и ему нуженъ просторъ для дѣятельности; съ другой стороны, та шайка самодуровъ, которая называется царскимъ правительствомъ, становится все неспособнѣе охранять даже безопасность страны. *Правительство Николая II оказывается безсильнымъ и противъ внѣшняго врага, и противъ внутренняго*.

Вѣдь для своего упроченія и для ослабленія внутренняго врага, то есть русскаго народа, возстающаго противъ политическаго безправія, наше правительство и стремилось къ войнѣ съ внѣшнимъ врагомъ. Оно надѣялось вызвать въ народѣ взрывъ „патріотическихъ" чувствъ, объединить весь народъ съ правительственной шайкой въ общемъ чувствѣ вражды къ японцамъ и, такимъ образомъ, заставить всѣхъ *забыть старые вѣковые счеты* народа съ угнетающей его самодержавной кликой. Оно надѣялось громомъ пушекъ и шумными побѣдами *заглушить* слышимый всѣмъ міромъ *голосъ трудящихся классовъ Россіи*, протестующихъ противъ своего политическаго порабощенія. Оно хотѣло отдѣлаться отъ презрѣнія, которымъ заклеймила его вся мыслящая Европа, *поднять довѣріе къ царскому правительству въ кругахъ европейскихъ капиталистовъ*, у которыхъ дѣлать займы становится съ каждымъ днемъ труднѣе.

Но позорно рухнули всѣ эти надежды, *ибо правительство обманулось и въ себѣ, и въ русскомъ народѣ*. Искусственно устраивавшіяся полиціей „демонстраціи" встрѣчали равнодушіе или даже насмѣшки, а порою вызывали совсѣмъ *иныя* демонстраціи со стороны сознательныхъ рабочихъ. Въ концѣ концовъ барабанный

патріотизмъ *будилъ политическую мысль, вмѣсто того чтобы усыплять ее.* Пропасть между трудящимися массами и царскимъ правительствомъ не исчезла, а углубилась.

Вмѣсто побѣдъ русскія войска и флотъ терпѣли *все время позорныя пораженія.* Манджурскія равнины поливались цѣлыми потоками русской крови, а наши войска должны были отступать предъ японцами, отдавая въ ихъ руки гавани, крѣпости, желѣзныя дороги... А въ глубинѣ Россіи отрывались отъ семьи и мирнаго труда все новые десятки тысячъ молодыхъ силъ и отправлялись за тридевять земель на вѣрную смерть. Въ то-же время бѣдствія войны вызвали, вдобавокъ, еще застой въ дѣлахъ, *промышленный кризисъ,* и создали въ городахъ сотни тысячъ безработнаго голоднаго люда. Все это обостряло въ народной массѣ *недовольство* войной и затѣявшимъ ее правительствомъ. Всюду идетъ броженіе, *бунты и сознательные протесты,* которыхъ нельзя заглушить никакимъ громомъ пушекъ.

Наконецъ, не поднялся и кредитъ царскаго правительства у европейскихъ банкировъ и капиталистовъ. Видя всю неспособность самодержавныхъ правителей и растущее противъ нихъ въ народѣ броженіе, капиталисты стали еще туже имъ давать деньги взаймы.

Такимъ образомъ, японская война какъ-бы подводитъ *итогъ всей политикѣ самодержавнаго правительства, въ особенности политикѣ Николая II.* Всѣмъ видна подготовленность Японіи: она выставляетъ хорошо оборудованные корабли, усовершенствованныя пушки, хорошо обученныя войска, грамотныхъ, толковыхъ и хорошо снаряженныхъ солдатъ и матросовъ, смѣло рвущихся въ бой съ горячей любовью къ своей странѣ, образованныхъ, способныхъ полководцевъ, прекрасно устроенное и организованное дѣло снабженія войска провіантомъ и амуниціей. А чѣмъ можетъ отвѣтить на все это русское правительство? Развѣ только *обиліемъ молебновъ и иконъ! Все остальное у насъ негодно къ дѣлу, гнило.* На Россію начинаютъ смотрѣть почти какъ на Турцію.

И если Николай II началъ свое царствованіе съ убійства тысячъ людей на Ходынскомъ полѣ, а къ концу десятилѣтія этого царствованія по приказу царя безплодно и позорно гибнутъ въ Манджуріи десятки

тысячъ молодыхъ жизней, то всѣмъ становится ясно, что это не даромъ: между Ходынской бойней и Манджурской самодержавіе не переставало губить, давить народъ физически и духовно. И въ „Ходынкѣ“, и въ японской войнѣ обнаруживается *неспособность царскаго самовластья дать странѣ что-либо кромѣ горя, разоренія, позора и смерти...*

Негодованіе противъ опозорившаго себя предъ всѣмъ міромъ самодержавія расло. И когда былъ убитъ фонъ-Плеве, правящая шайка потеряла голову, долго колебалась въ выборѣ дальнѣйшаго пути и, наконецъ, рѣшилась: министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ болтливый и глуповатый князь *Святополкъ-Мирскій*, который принялся болтать неопредѣленныя словечки о *„довѣріи къ обществу“* и прочее. Смыслъ этихъ словечекъ не трудно было разгадать: надо было привлечь къ себѣ либераловъ изъ образованнаго общества, вызвать въ нихъ довѣріе къ новому министру, который яко бы дастъ странѣ свободу, и такимъ образомъ настроить ихъ противъ сознательныхъ рабочихъ, которые своими „неумѣренными“, „крайними“ требованіями якобы только мѣшаютъ болтуну-министру провести необходимыя реформы. Въ тоже время дана была возможность либераламъ высказать свои пожеланія на собраніяхъ и въ газетахъ. Въ Западной Европѣ серьезно повѣрили въ намѣреніе Николая II дать странѣ конституцію, и на этомъ основаніи капиталисты и банкиры открыли свои желѣзныя кассы для займа русскому правительству въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей.

Отъ либераловъ правительству пришлось выслушать требованіе не болѣе, не менѣе, какъ уничтоженія самодержавной власти царя. Но такъ какъ самодержавіе само себя уничтожать не станетъ, а либералы сами *бороться* за свои требованія не умѣютъ, то правительство, обезпечивъ себѣ заемъ, рѣшило, что пора прекратить такъ называемую политическую „весну“. Постепенно устанавливается прежняя *политика „ежовыхъ рукавицъ“*.

И что же получилось? Колебанія правительства Николая II только обнаружили его слабость и трусость. Своими временными уступками оно только разожгло жажду свободы въ „образованномъ“ обществѣ и въ на

родныхъ массахъ. Своимъ поворотомъ въ сторону полнаго произвола оно вызвало всюду еще большее раздраженіе. Теперь малыми уступками уже почти никого не удовлетворишь. Если до войны еще можно было надолго удержать страну въ уздѣ, внесши *нѣкоторыя* улучшенія въ политическій строй Россіи, то теперь *только политическая революція* можетъ обновить Россію, дать ей просторъ и силы для свободнаго развитія.

„Вредныя", т. е. противоправительственныя мысли прочно засѣли не только въ головахъ десятковъ тысячъ городскихъ рабочихъ и многочисленныхъ лицъ изъ образованнаго общества, но и въ головахъ крестьянъ даже солдатъ. Да, *и войско становитя съ каждымъ днемъ все менѣе надежной опорой царскаго престола.* Это признаютъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ и сами военоначальники[1]).

Дѣйствительно, и въ солдатѣ все больше выростаетъ чувство человѣческаго достоинства, какъ и въ той трудящейся массѣ, изъ которой набирается войско. А ужасы и мерзости нынѣшней войны раскроютъ глаза и многимъ изъ тѣхъ, которые до сихъ поръ оставались слѣпыми. Объ этомъ позаботятся тѣ десятки тысячъ солдатъ, которые теперь раненными, истерзанными, калѣками возвращаются на родину изъ далекой Манджуріи. Сколько новаго они сумѣютъ разсказать объ испытанныхъ ими ненужныхъ страданіяхъ; о воровствѣ и преступной небрежности царскихъ сановниковъ, оставляющихъ отправляемое на убой полумилліонное войско безъ достаточныхъ запасовъ пищи, платья, обуви; о раненныхъ солдатахъ, которыхъ бросаютъ въ скотскіе вагоны безъ перевязки, безъ лекарствъ, безъ горячей пищи; о неспособныхъ, безтолковыхъ полководцахъ, которые больше подставляютъ другъ другу подножки и подлаживаются подъ желанія царя и окружающихъ его сановныхъ скомороховъ! Каждый изъ этихъ возвращающихся калѣкъ принесетъ на родину горячую ненависть къ господствующему у насъ царству произвола, продажности и преступнаго легкомыслія. *Каждый изъ нихъ явится живымъ агитаторомъ*, сѣющимъ въ народѣ жажду по-

---

[1]) **Напримѣръ, начальникъ штаба кавказскаго военнаго округа въ своемъ недавнемъ тайномъ циркулярѣ.**

литическаго обновленія Россіи, ея освобожденія отъ позора самодержавія.

Война *всѣмъ* раскрываетъ глаза. Всѣ начинаютъ видѣть то ужасное состояніе, до котораго довело Россію господство самодержавія, особенно при Николаѣ II. *Какъ измѣнилась страна за десять лѣтъ царствованія Послѣдыша!* Какъ невыносимъ для нея сталъ самодержавный „порядокъ" государства!

Свора чиновниковъ, крупныхъ помѣщиковъ и капиталистовъ — вотъ кто властно хозяйничаетъ на Руси. Они сидятъ на шеѣ разоренныхъ, безлошадныхъ, изголодавшихся и забитыхъ мужиковъ и обираемыхъ, стиснутыхъ въ полицейскій кулакъ, городскихъ рабочихъ. На эту трудящуюся и угнетаемую безправіемъ массу всей своей тяжестью ложится огромное государство съ его *громадными расходами*, которые за 10 лѣтъ царствованія Николая II увеличились вдвое и перевалили за 2.000 милліоновъ рублей въ годъ!

Подати и косвенные налоги[1]), приходящіеся на крестьянскій дворъ, сплошь и рядомъ превышаютъ весь доходъ съ его хозяйства. Крестьяне бѣднѣютъ до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвращаются къ освѣщенію избъ лучиною: не хватаетъ средствъ на керосинъ. Огромная часть крестьянской земли совершенно *выпахана*; милліоны десятинъ когда то плодородной земли покрываются летучими песками и перерѣзываются оврагами. Повторяющіеся неурожаи, голодовки[2]), убыль скота, который приходится кормить соломой съ крышъ, прочно обосновавшійся въ деревнѣ тифъ, цынга и другія болѣзни — вотъ что мы встрѣчаемъ въ сельской Россіи. Развалившіяся сѣрыя избы,

---

[1]) Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ введены акцизы съ нефти, спичекъ и сахара; повышенъ акцизъ со спирта, вина, пива и табака; увеличены таможенныя пошлины на чай и хлопокъ; при введеніи казенной продажи питей повышена цѣна водки; однѣми этими мѣрами правительство за 10 лѣтъ выкачало изъ народнаго кармана лишнюю тысячу милліоновъ рублей!

[2]) Несмотря на неурожаи и голодовки, несмотря на то, что за 10 лѣтъ (по признанію правительства) крестьянское населеніе недополучило зерна на сумму до 2.000 милліоновъ рублей, — несмотря на все это, вывозъ крестьянскаго хлѣба за границу все растетъ. Ясно: вывозятся не избытки, а крестьяне отдаютъ заграничному потребителю свой хлѣбъ насущный, лишь бы получить деньги, необходимыя на уплату податей.

покинутыя домишки съ наглухо заколоченными окнами — вотъ довольно обычный видъ деревни; нѣкоторыя деревушки *совсѣмъ покинуты населеніемъ* и выглядятъ, точно кладбища. Образовался непрерывный, безпорядочный *потокъ переселенцевъ* [3]): разоренные крестьяне бѣгутъ вонъ изъ постылыхъ Неѣловокъ, Горѣловокъ, Неурожаекъ-тожъ; они безпомощно мечутся изъ стороны въ сторону, возвращаются назадъ, побираясь Христовымъ именемъ, отчасти вымирая по дорогѣ...

Въ то же время царское правительство раздаетъ милліоны десятинъ земли вдоль Сибирской желѣзной дороги — „нуждающимся" дворянамъ-помѣщикамъ!..

А *личное имущество царскаго дома* становится все болѣе громаднымъ. Лучшія земли на Алтаѣ, въ Крыму, на Кавказѣ, въ новыхъ завоеванныхъ странахъ — вездѣ много десятковъ милліоновъ десятинъ земли и лучшіе доходные дачи, лѣса и источники, — все захватилъ въ свои руки домъ Романовыхъ и та придворная челядь, которая, подобно саранчѣ, опустошаетъ Россію.

Надъ городскими рабочими все чаще и продолжительнѣе нависаетъ и обостряется, благодаря притоку сельскаго населенія въ города, *безработица* со всѣми ея лишеніями. А въ то же время царское правительство выбрасываетъ сотни милліоновъ на поддержку —„нуждающихся" фабрикантовъ, заводчиковъ и горнопромышленниковъ.

Русская *промышленность*[4]) туго развивается благодаря разоренности народа, благодаря его невѣжеству, недостатку школъ для него, — а правительство выбросило за 10 лѣтъ около 8000 милліоновъ рублей *на войско, флотъ* и постройку желѣзныхъ дорогъ главнымъ образомъ для военныхъ цѣлей![5]). Въ то же время во

---

[3]) Несмотря на всѣ препятствія, ежегодно пускается въ поиски новаго мѣста для поселенія больше 200.000 крестьянъ.

[4]) Къ ея развитію направлены были всѣ заботы министра финансовъ Витте. Да и все правительство стремилось поднять крупную капиталистическую промышленность, чтобы этимъ усилить государство. Но этимъ правительство усиливало городъ съ его рабочимъ населеніемъ, т. е. усиливало *главнаго врага* самодержавнаго государства.

[5]) Благодаря этому государственные долги за послѣдніе десять лѣтъ увеличились на 1750 милліоновъ рублей и перевалили за $6^1/_2$ тыс. милліоновъ рублей. Не мало народныхъ денегъ поглотила и полиція. За одинъ только 1901 годъ на усиленіе полиціи въ трехъ только го-

всѣхъ *школахъ*, отъ низшихъ и до высшихъ, стараются не о томъ, чтобы дать народу знанія, а объ укрѣпленіи въ немъ рабскихъ чувствъ. Низшія школы отданы во власть духовенства[6]), а среднія и высшія превращены какъ будто въ заведенія для исправленія преступниковъ.

Всякая *самодѣятельность* подавляется не только въ народѣ, но и въ образованномъ обществѣ. Надъ всѣмъ тяготитъ произволъ, насиліе. Всякая живая мысль душится въ зародышѣ. Словомъ, царское самодержавіе можетъ сказать, подобно Атиллѣ—вождю варварскаго племени „добраго“ стараго времени: „гдѣ ступитъ моя нога, тамъ трава не растетъ!“

Между тѣмъ русскій народъ выросъ духовно за послѣдніе 10 лѣтъ до такой степени, что оковы самодержавія грозятъ его задушить. *Чтобы русскій народъ могъ жить, развиваться, самодержавіе должно умереть.*

И война съ японцами способствуетъ тому, чтобы самодержавіе умерло поскорѣе. Еще больше объ этомъ позаботится *рабочій классъ*, объединенный подъ знаменемъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Какъ-бы превительство Николая II ни душило, ни преслѣдовало рабочее движеніе, какъ-бы ни старалось одурачить его зубатовскимъ маскарадомъ, какъ-бы ни пыталось усмирить его розгами, на подобіе того древняго деспота, который велѣлъ своимъ слугамъ высѣчь разбушевавшееся море, — соціальдемократическое рабочее движеніе разростается все болѣе въ ширь и въ глубь. Въ началѣ царствованія Николая II соціальдемократической заразой была пропитана въ слабой мѣрѣ лишь часть центральныхъ губерній России. Теперь, черезъ 10 лѣтъ, этой заразой охвачена вся Россія — Кавказъ, Поволжье, Крымъ, Архангельская губ., Сибирь, чуть не Манджурія!

По всей Россіи рабочій классъ выступаетъ все болѣе сознательно на борьбу за полное освобожденіе человѣчества отъ эксплоатаціи и угнетенія, за уничтоженіе гос-

---

родахъ (Петербургъ, Москва, Варшава) потребовалось увеличеніе государственныхъ расходовъ болѣе чѣмъ на одинъ милліонъ рублей.

[6]) За истекшіе десять лѣтъ расходы на общее образованіе увеличились лишь въ полтора раза, расходы на техническое образованіе — въ два раза, а расходы на учебныя заведенія духовнаго вѣдомства увеличились *въ семь разъ.*

подства кучки собственниковъ надъ милліонами наемныхъ тружениковъ. Рабочій классъ все сознательнѣе выставляетъ на своемъ знамени *требованіе соціалистическаго переустройтва всего нынѣшняго общественнаго строя.* Въ этой борьбѣ рабочаго класса, самодержавіе стоитъ на его пути страшнымъ препятствіемъ, опутывающимъ его по рукамъ и ногамъ; въ сѣтяхъ самодержавнаго произвола пролетаріатъ задыхается больше, чѣмъ какой-бы то ни было другой классъ русскаго общества. Вотъ почему партія рабочаго класса — Соціальдемократія становится *во главѣ* всѣхъ борющихся за политическую свободу. Соціальдемократія заботится не о томъ, чтобы въ существующій политическій строй Россіи были внесены лишь *нѣкоторыя* измѣненія, какъ этого хотятъ либералы въ *своихъ* интересахъ. Нѣтъ, Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія будетъ добиваться *полнаго уничтоженія самодержавія, замѣны его народной республикой,* гдѣ не будетъ ни царя, ни его придворной своры, гдѣ народъ будетъ управлять дѣлами страны черезъ своихъ довѣренныхъ людей, выбранныхъ всѣмъ народомъ прямымъ, равнымъ, тайнымъ голосованіемъ.

Только такой свободный республиканскій строй обезпечитъ рабочему классу полную возможность повести рѣшительную *борьбу за соціализмъ.*

Таково положеніе дѣлъ въ Россіи въ настоящее время, — *положеніе совершенно иное, чѣмъ 10 лѣтъ тому назадъ.*

При вступленіи Николая II на престолъ самодержавная шайка правителей была сильна и организованна, дышала бодростью и увѣренностью въ себѣ; народъ-же былъ забитъ, разобщенъ, придавленъ и запуганъ.

Теперь-же, всего 10 лѣтъ спустя, — наоборотъ — правительство въ отчаяніи, его ряды разстроены: оно боится *всѣхъ* внѣ страны и внутри ея, оно окружено со всѣхъ сторонъ жгучей ненавистью и презрѣніемъ. Народъ-же русскій поднялъ голову, становится все смѣлѣе; всюду идетъ борьба, рѣшительный протестъ противъ отжившаго политическаго строя; объединяются, организуются всѣ, — начиная отъ рабочихъ, студентовъ, земцевъ, адвокатовъ и кончая... гимназистами.

Вырывающійся изъ милліоновъ грудей вопль „Долой самодержавіе!“ сдѣлался *„обще-народной поговоркой“*, какъ это наивно засвидѣтельствовалъ передъ саратов-

скимъ политическимъ судомъ (въ 1902 году) полицейскій шпіонъ. „Да здравствуетъ народная, демократическая республика!“ — таково требованіе тысячъ сознательныхъ пролетаріевъ, выросшихъ въ крупную общественную силу за послѣдніе 10 лѣтъ.

И если *уже чувствуется дыханіе надвигающейся общенародной революціи*, если въ этой революціи главнымъ и рѣшительнымъ борцомъ явится *пролетаріатъ* Россіи, то этому больше всего способствовали *знаменательные десять лѣтъ* царствованія Николая II, *царя-послѣдыша.*

* *
*

Настоящій очеркъ былъ уже законченъ, когда въ Петербургѣ началась стачка рабочихъ Путиловскаго завода, скоро разросшаяся до размѣровъ *народнаго возстанія.* Забастовало больше 200 тысячъ рабочихъ въ Петербургѣ, по 100.000 рабочихъ въ Москвѣ, Лодзи и Варшавѣ, десятки тысячъ въ Ригѣ, Либавѣ, Митавѣ, Вильнѣ, Саратовѣ, Ревелѣ, Екатеринославѣ и др. Всюду могучая воля пролетаріата пріостановила обычную суету жизни городскихъ центровъ и сосредоточила общее вниманіе на требованіяхъ рабочаго класса. Созывъ учредительнаго собранія, выбраннаго всѣмъ народомъ прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ; свобода слова, печати, собраній, союзовъ и стачекъ; освобожденіе изъ тюремъ и ссылки всѣхъ политическихъ „преступниковъ“; 8-ми часовой рабочій день — вотъ эти требованія.

Чѣмъ же отвѣтило на нихъ царское правительство? Массовыми разстрѣлами мирныхъ, безоружныхъ рабочихъ, ихъ женъ и дѣтей. Въ Петербургѣ, гдѣ десятки тысячъ рабочихъ съ дѣтьми и женами направились къ зимнему дворцу, *просить* у царя немножечко правъ и хлѣба, ихъ встрѣтала залпами царская гвардія, и за два дня — 9-го и 10-го января — въ одномъ Петербургѣ легло *нѣсколько тысячъ* человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. У одного только Александровскаго парка было убито около 25 дѣтей. Новый Иродъ — царь Николай II — не прочь заниматься *избіеніемъ младенцевъ*, лишь бы спасти свою корону неограниченнаго тирана. Сотни рабочихъ легли отъ пуль царскихъ солдатъ и въ Москвѣ, Ригѣ, Варшавѣ, Лодзи и др. городахъ.

Рабочіе въ Петербургѣ и Варшавѣ кое гдѣ построили баррикады и мужественно защищались. Они вынуждены были временно уступить силѣ 60 тысячъ царскихъ солдатъ: они не ожидали, что „царь-батюшка“ обрушится на нихъ всей силой своихъ штыковъ, пушекъ и ружей, — въ то время какъ они шли къ царскому дворцу съ довѣріемъ, одѣтые по праздничному, вмѣстѣ съ своими семьями, руководимые священникомъ Гапономъ, который шелъ впереди въ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ...

На это неслыханное, звѣрское, предательское убійство въ Петербургѣ тысячъ довѣрчивыхъ людей по распоряженію гнуснаго скомороха на тронѣ и отвѣтило своимъ массовымъ протестомъ около милліона пролетаріевъ другихъ городовъ.

Нужно ли болѣе блестящее доказательство справедливости того, что мы говорили въ концѣ нашего очерка, подводя итоги десятилѣтію царствованія Николая II? Можно ли еще сомнѣваться въ томъ, что онъ — царь-послѣдышъ? Можно ли теперь не видѣть, что уже недалеко то время, когда поднимется и крестьянство, когда рабочій классъ Россіи, возставши во главѣ всего русскаго народа, раздавитъ эту гнусную шайку самодержавныхъ убійцъ? Кто же не видитъ теперь, что возстаніе милліона пролетаріевъ — *не бунтъ, а революція*, что это — *начало конца самодержавія?*

И развѣ не ясно, что послѣднія знаменательныя событія — лишь дальнѣйшій шагъ по пути того богатырскаго роста классоваго и политическаго самосознанія рабочаго класса, который мы прослѣдили, обозрѣвая 10 лѣтъ царствованія послѣдыша? Вѣдь эти событія являются прямымъ продолженіемъ того бурнаго движенія рабочихъ, которое пронеслось по югу Россіи лѣтомъ 1903 года и которое, однако, блѣднѣетъ передъ возстаніемъ милліона пролетаріевъ въ январѣ 1905 года!

Теперь, какъ и тогда, буря возникла, повидимому, изъ-за пустяка: 4 рабочихъ были уволены съ Путиловскаго завода. Теперь въ Петербургѣ, какъ тогда въ Одессѣ, энергичными борцами противъ правительства явились тѣ самые рабочіе, которыхъ зубатовскіе мудрецы нарочно собрали и организовали, чтобы создать изъ нихъ поддержку правительству. Какъ тогда изъ Баку, такъ теперь изъ Петербурга забастовка рабочихъ, точно

ураганъ, распространилась по цѣлому ряду другихъ городовъ.

Какъ тогда, — но куда мощнѣе, куда ярче, куда сознательнѣе! Трудно подумать, что съ того времени прошло всего полтора года. Какъ описанныя въ нашемъ очеркѣ стачки 1896 года блѣднѣютъ передъ массовыми демонстраціями 1901, а эти — передъ всеобщей южной забастовкой 1903 года, такъ въ свою очередь всѣ эти событія оставляются въ тѣни славными, знаменательными январьскими днями 1905 года.

Вотъ съ какой сказочной быстротою растетъ и ширится сила пролетаріата. Такъ можно ли сомнѣваться, что уже недалеко то время, когда эта сила справится съ гнуснымъ двуглавымъ хищникомъ? Если онъ становится съ каждымъ днемъ свирѣпѣе, злѣе, то это потому, что *все ближе подходитъ его конецъ*. Такъ мухи начинаютъ злѣе кусаться осенью, когда наступаютъ послѣдніе дни ихъ существованія...

Весьма вѣроятно, что самодержавіе кое-какъ справится съ *этимъ* возстаніемъ пролетаріата, съ движеніемъ въ январѣ 1905 года, и постарается умиротворить рабочихъ сокращеніемъ рабочаго дня. Но справится ли оно съ неумолимымъ, какъ рокъ, пролетарскимъ движеніемъ вообще? Возможно, что оно теперь будетъ торжествовать. Но надолго ли? Вѣдь не впервые оно побѣждаетъ волну рабочаго движенія. Но развѣ не надвигалась каждый разъ послѣ того еще болѣе грозная волна? И развѣ все бурное десятилѣтіе царствованія Николая II не показываетъ самымъ очевиднымъ образомъ, что ни насиліе, ни подачки — ничто не можетъ устоять противъ движенія рабочаго класса, волны котораго вздымаются все выше и выше и — не сегодня, такъ завтра захлеснутъ коронованнаго недоросля съ его царствомъ неограниченнаго произвола?

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какимъ рѣшительнымъ, смѣлымъ языкомъ заговорила рабочая масса, когда она, на смѣну трусливыхъ либераловъ, выступила съ требованіемъ политической свободы. „Мы и терпѣли— говорится въ петиціи рабочихъ царю — но насъ толкаютъ все дальше и дальше въ омутъ нищеты, безправія и невѣжества; насъ душатъ деспотизмъ и произволъ, и мы задыхаемся. Нѣтъ больше силъ, Государь. Насталъ предѣлъ терпѣнію“. Въ такихъ сильныхъ вы-

раженіяхъ можетъ говорить лишь сознающая свою силу масса трудящихся, понявшихъ, что они выносятъ на своихъ плечахъ все огромное и сложное зданіе современнаго государства.

Съ выступленіемъ петербургскихъ рабочихъ всѣ истинные друзья свободы облегченно вздохнули, почувствовали, что теперь дѣйствительно начнется „весна"— не гнилая, тягучая весна либераловъ, а *бодрая пролетарская „весна"*. Всѣ почувствовали, что она своимъ бурнымъ, горячимъ дыханіемъ взломаетъ ледъ равнодушія и спокойствія широкихъ массъ народа, и не однимъ, такъ другимъ порывомъ смететъ всю плѣсень и гниль отжившаго азіатски-самодержавнаго строя...

Но рабочіе Петербурга не ограничились рѣшительными словами: они отъ словъ перешли *къ дѣйствіямъ*. Они, не понимая, какъ это царь можетъ не хотѣть имъ помочь, рѣшили пойти въ воскресенье 9 января къ Зимнему дворцу, вытребовать къ себѣ царя, лично ему заявить о своихъ нуждахъ и добиться во что бы то ни стало отвѣта.

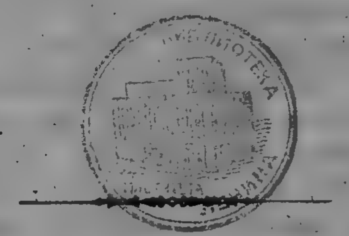
И они получили этотъ отвѣтъ — ясный рѣшительный... Этого отвѣта никогда не забудутъ рабочіе не только Петербурга, но всей Россіи, всего міра... Тысячи убитыхъ и тяжело раненныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей; смерть, страданія и издѣвательства — таковъ царскій отвѣтъ. И кому? Мирной, *безоружной* толпѣ, *довѣрчиво* пришедшей изложить царю свои *просьбы*. Этотъ отвѣтъ дѣйствительно ясенъ: его поймутъ *всѣ* рабочіе Россіи. Этотъ отвѣтъ гласитъ: нельзя *довѣрять* самодержавію, надо всегда видѣть въ немъ опаснаго, коварнаго *врага*. Этотъ отвѣтъ гласитъ: нельзя *просить* царя, надо отъ него *требовать*, чтобы онъ сдался. Этотъ отвѣтъ гласитъ: нельзя мирной, *безоружной* толпой наступать на царское правительство; народу надо *вооружиться...*

Можно смѣло утверждать: 9 января русскіе рабочіе *въ послѣдній разъ* обратились къ царю съ *просьбой...* Даже когда Николаю II „божіей милостью" придется, подобно французскому и англійскому деспотамъ XVIII-го и XVII-го столѣтій, сложить свою преступную голову, то и тогда его не попросятъ, а поведутъ къ висѣлицѣ, по велѣнію суда народа, суда исторіи...

Девятаго января въ Петербургѣ были убиты не только невинные рабочіе, ихъ жены и дѣти: нѣтъ, тутъ же былъ убитъ послѣдній остатокъ вѣры отсталыхъ слоевъ рабочаго народа въ „царя-батюшку", вѣры въ его заботы о благѣ народомъ. Теперь весь народъ русскій проникнется тѣми словами, которыя сказалъ священникъ Гапонъ послѣ кроваваго дня 9 января: *„У насъ нѣтъ больше царя.* Рѣка крови отдѣляетъ царя отъ народа. Да здравствуетъ *борьба* за свободу!"

И мы скажемъ послѣ январскихъ кровавыхъ дней: тысячами пуль и сабель царскіе солдаты 9 января сорвали повязку съ глазъ тѣхъ петербургскихъ рабочихъ, которые еще вѣрили въ возможность свободы и счастья при господствѣ самодержавнаго произвола...

Да здравствуетъ же политическое и классовое самосознаніе рабочихъ! Да здравствуетъ борьба за политическую свободу! Да здравствуетъ борьба за соціализмъ!

Сонъ подъ первое мая (сказка-правда). Цѣна 25 с.
Письмо къ московскимъ наборщикамъ. Цѣна 15 с.
Отчетъ съѣзда южныхъ комитетовъ и организацій Р. С.-Д. Р. П. Цѣна 20 с.
Изъ рабочаго движеіня въ Одессѣ и Николаевѣ. Цѣна 40 с.
Васильевъ. Восьмичасовой рабочій день. Цѣна 25 с.
Разсказы изъ ист. французск. революціи, вып. I-III. Цѣна 90 с.
А. Б. Обуховская оборона. Цѣна 40 с.
Двѣ рѣчи (П. Алексѣева и Варлена). Цѣна 25 с.
Изъ Тифлисскаго рабочаго движенія. Цѣна 20 с.
Пѣсни революціи. Цѣна 25 с.
Демонстранты передъ судомъ. Обвинительный актъ по Нижегородскому и Саратовскому дѣламъ. Цѣна 20 с.
А. Б. Городское самоуправленіе въ Россіи. Цѣна 50 с.
Амвросій. Правда о ростовскихъ событіяхъ. Цѣна 1 фр.
Машицкій. Изъ жизни солдата. Цѣна 40 с.
Машицкій. Въ огнѣ. Повѣсть. Цѣна 60 с.
Стачка, пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 25 с.
Запретные листки (изъ воспоминаній рабочаго). Цѣна 25 с.
Докладъ, представленный делегаціей рус. соц. дем. международному конгрессу въ Лондонѣ въ 1896 г. Цѣна 50 с.
Докладъ делегаціи Р. С.-Д. Р. П. Амстердамскому Международн. Соціалистич. Конгрессу 1904 г. 1 фр.
Извѣщеніе о второмъ очередномъ съѣздѣ Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи. Цѣна 20 с.
Ортодоксъ. О „Проблемахъ идеализма". Цѣна 80 с.
Таганрогскій процессъ по дѣлу о ростовской демонстраціи второго марта. Цѣна 30 с.
Эдмондо-де Амичисъ. Студенты и соціальный вопросъ. Ц. 25 с.
В. Бахаревъ. О шифрахъ. Цѣна 25 с.
В. Бахаревъ. Какъ держатъ себя на допросахъ. Ц. 50 с.
Шпіонъ (Картинка изъ жизни). Цѣна 25 с.
Рѣчи нижегородскихъ рабочихъ на судѣ. Цѣна 25 с.
Обвинительный актъ по златоустовскому дѣлу. Цѣна 15 с.
Судъ надъ брянскими рабочими съ приложеніемъ рѣчей защитниковъ. Цѣна 40 с.
К. Л. Двѣ Европы Ц. 20 с.
П. С. Во что обходится русскому народу война. Ц. 20 с.
П. С. Тайные документы „восточной политики" царскаго правительства (1881-90). Ц. 25 с.
Рядовой. Изъ-за чего война и чему она учитъ. Ц. 25 с.
Мартыновъ. Соціальдемократическія побѣды и буржуазно-демократическіе реванши. Оттискъ изъ № 5 „Зари". Ц. 50 с.
Н Троцкій. Наши политическія задачи (тактическ. и организ. вопросы). Цѣна 75 с.
Политическіе процессы. Изъ матеріаловъ „Искры". Цѣна 25. с.
Первый шагъ Цѣна 10 с.
Матеріалы по якутскому процессу. Цѣна 60 с.
Жанъ Лонге. Соціализмъ въ Японіи. Перев. съ французск. Съ предисл. В. Засуличъ. Цѣна 60 с.
Рабочій. Рабочіе и интеллигенты въ нашихъ организаціяхъ. Цѣна 30 с.
М. Мартыновъ. Двѣ диктатуры. Цѣна 60 с.

„РАБОТНИКЪ“ № 3-4 Ц. 2 фр. 50 с. № 5-6. Ц. 3 фр. 75 с.

„ЕЖЕГОДНИКЪ“. Журналъ русскаго соц.-дем. общества въ Нью Iоркѣ. Цѣна 1 фр.

ЗАРЯ № 2-3. Цѣна 7 фр. 50 с. ЗАРЯ № 4 — 5 фр.

Прокламацiи:

Первое мая. Прокламац. Ценртальн. Комитета и редакцiи Центр. Орг. Р. С.-Д. Р. П.

Прокламацiи редакiй „Искры“ по поводу русской-японской войны:

I. 1) Ко всему рабочему народу. 2) Къ обществу.

II. 1) Почему царское правительство затѣяло войну? 2) Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ. 3) Патрiотическiй грабежъ. 4) Кому помогать? 5) Международный жандармъ. 6) Зачѣмъ нужны еврейскiе погромы? 7) Жертвуйте, русскiе люди! 8) Правдивое слово министра финансовъ. 9) Для чего долженъ умирать русскiй солдатъ? 10) Кому быть самодержцемъ всероссiйскимъ? 11) Уроки войны. 12) Къ солдатамъ. 13) Пора! 14) Война противъ войны. 15) Кризисъ, безработица, война. 16) Рабочему народу. 17) Кто долженъ побѣдить? 18) Царскiя пораженiя и наши требованiя.

„ИСКРА“ Центральный Органъ Р. С.-Д. Р. П.; выходитъ каждыя двѣ недѣли. *По подпискѣ* цѣна 30 с. номеръ.

„СОЦIАЛЬДЕМОКРАТЪ“ Ежемѣсячн. рабочая газета. *По подпискѣ* цѣна номера 40 с.

Въ складъ экспедицiи Партiи поступили изданiя группы „Борьба“:

Соцiальдемократическiй календарь. Цѣна 2 фр. 50 с.

Ю. Невзоровъ и Н. Рязановъ. Отказываемся ли мы отъ наслѣдства. Цѣна 1 фр. 50 с.

Н. Рязановъ. Новая программа „Рабочаго Дѣла“. Цѣна 60 с.

Н. Рязановъ. Проектъ программы „Искры“ и задачи русскихъ сацiальдемократовъ. Цѣна 3 фр.

Наша программа. Цѣна 60 с.

Со всѣми требованiями просятъ обращаться по адресу экспедицiи Рос. Соц.-Дем. Раб. Партiи: P. Axelrod, Boul-d du Pont d'Arve 4. Genève—Suisse.

Цѣна 40 сант.

